

АВТОР ЦИКЛА «БУМАЖНАЯ МАГИЯ»

ЧАРЛИ ХОЛЬМБЕРГ

ДЫМ И ДУХ

• НУМЕНЬ •

Нумены

Чарли Хольмберг

Дым и Дух

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хольмберг Ч.

Дым и Дух / Ч. Хольмберг — «Эксмо», 2019 — (Нумены)

ISBN 978-5-04-110775-8

Сэндис – вассал могучего духа седьмого уровня. Таких, как она, считают одержимыми. И ценят, как целое состояние. Рон – мошенник и вор с чарующей улыбкой. Владелец артефакта, дарующего бессмертие. Его работа – совершать невозможное. Что, если в городе, где с каждым днем ведовство проникает в мир, а оккультики призывают невообразимых чудовищ, Сэндис и Рон станут союзниками?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-110775-8

© Хольмберг Ч., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

1	6
2	15
3	19
4	24
5	34
6	41
7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Чарли Хольмберг

Дым и Дух

Charlie N. Holmberg
SMOKE AND SUMMONS

Text copyright © 2019 by Charlie N. Holmberg LLC
All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Художественное оформление Алексея Дурасова

© Лобия М. Р., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Маме, которая поощряла мое творческое безумие

1

«Есть причина остаться», – размышляла Сэндис.

Здесь отлично кормили. Даже дома, когда еще были живы родители, она не пробовала ничего подобного. Такими разносолами на скудный фабричный заработок не разживешься, таких деликатесов на улице не выцыганишь. Здесь было сухо. Крыша не текла, и постоянные «*кап-кап-кап*» не сводили с ума, как когда-то в невольничьем бараке. Ей не приходилось стирать и штопать. Она могла спать сколько влезет и не волноваться, что опоздает на смену. Она могла нежиться в теплой ванне.

Кроме того, если поймают, накажут – а Кайзен мастак придумывать изощренные наказания. Если же не поймают – в чем она *очень* сомневалась, – она наверняка умрет с голоду, и ее безжизненное тело выбросят в ближайшую помойную яму, коих в этом городе великая тьма. Особым ремеслом она не владела, а на черновой работе – единственной, для которой была годна, – денег на квартиру и пропитание не заработаешь. Помнится, они с Аноном, вкалывая вдвоем с утра до ночи, еле-еле перебивались с хлеба на воду.

«Еда – вот что главное, – крутилось в голове у Сэндис, пока она нехотя ковыряла в тарелке свиной бок с поджаристой корочкой, нарезанную кубиками картошку и моченые яблоки. – И еда здесь – *отменная. Не забывай о еде!*»

Однако, вопреки голосу рассудка, взгляд Сэндис блуждал по бледному потолку, а мысли – по булыжным мостовым и заброшенным зданиям там, наверху, в городе. Сэндис не знала, как глубоко под землей она находилась, но подозревала: на то, чтобы прокопать тоннель наверх, потребуется большая часть ее жизни. Она была отрезана от всего внешнего мира уже четыре года – с тех самых пор, как попала сюда.

– Сэндис? – чуть слышно прошептала сидевшая напротив Элис.

Элис – пятнадцать... на год больше, чем было Сэндис, когда она повстречалась с Кайзеном. Сэндис, хотя она ни разу не осмелилась спросить прямо, постоянно мучил вопрос, не полукровка ли Элис. Карие глаза девочки явно указывали на то, что в роду у нее были настоящие колины, но белокурые волосы резко выделяли ее среди других вассалов Духа и бесчисленных оккультистов, незримо сновавших в логове Кайзена.

Сэндис приложила палец к губам, призывая Элис к молчанию: Кайзену нравилось, когда его прислужники держали язык за зубами. Элис слабо кивнула и уставилась в тарелку. «*Умница*», – подумала Сэндис. Похоже, Элис пришлась здесь ко двору: Кайзен ни разу не запер ее в карцере. Возможно, никогда и не запрет.

Затрещали деревянные рейки, и рядом с ней на общую скамью тяжело опустился Хит. Не удостоив ее и взглядом, он сразу же уткнулся в тарелку и, вооружившись ножом и вилкой, принялся неторопливо и обстоятельно есть. В отличие от Элис, Хит выглядел истинным колином – темные глаза и копна темных волос. Как и у Сэндис. Как и у его брата, сидевшего за дальним концом стола и глядевшего прямо перед собой, кроме тех мгновений, когда он искоса поглядывал на примостившуюся рядом Кайли. Сэндис нахмурилась – зря эта парочка жметесь друг к другу. Кайзен взбеленится, если узнает, что они дружат. У Риста же все на лице написано.

Хит тряхнул головой. Сэндис, украдкой глядя на него сквозь прядь ниспадавших на лицо волос, чуть-чуть не доходявших ей до плеч, отметила залегшие у его глаз морщинки, трепещущие ноздри и напряженные, будто сведенные судорогой, плечи. «Снова он впал в мерехлюндию, – подумала она, – бодрится, стараясь не показывать этого, но явно не находит себе места».

В соседней комнате что-то упало. Хит чуть не свалился со скамьи. Надо же, поразила Сэндис, он пробыл здесь гораздо дольше ее, а до сих пор шарается от собственной тени. Хит нахмурился и трясущимися руками насадил на вилку кусочек свинины.

«Ему тоже не вмоготу», – озарило Сэндис. Большинству вассалов – Ристу, Дару, Кайли – тут по душе. Такое чувство, что, пройдя посвящение, они забыли прежнюю жизнь. Такое чувство, что, кроме жратвы, их больше ничего не волнует. Но Хит... Чем объяснить его невысказанное стремление к свободе? Если б она только знала... Но спрашивать нельзя. Не здесь... Не сейчас... Не при Зелне – морщинистой толстухе, намывающей посуду в углу.

Есть еще одно «но», вернулась к своим мыслям Сэндис. Если бежать, то... для чего? И куда? Глухая, ушедшая внутрь боль всколыхнулась в ее груди: Анон, братишка. Он пропал без вести четыре года назад, но воспоминания о нем до сих пор бередили душу Сэндис, как открытую рану. Она искала его, когда попала в руки работоторговцев. В тот страшный день, когда узнала, что младший брат не просто исчез, а погиб, она покорила своей участи.

Почти...

Дверь в крошечную столовую приоткрылась, и Сэндис подбросило, как на углях. Черт, она прозевала, когда он вошел!

Отложив нож и вилку, она воззрилась на застывшего в дверном проеме сухопарого высокого мужчину с громадным орлиным носом и черной, надвинутой на глаза шляпе. Сколько она помнила, Кайзен всегда предпочитал эту шляпу и черную, под стать ей, одежду. Как, впрочем, и все оккультики. Бежевые одеяния вассалов казались на их фоне просто лучами солнца в этом узилище тьмы.

Клеймо засвербило, но она не осмелилась почесать спину.

Все затаили дыхание. Никто не жевал, никто не отводил глаз. Хит задрожал. «В последнее время он трясется, словно овечий хвост», – подумала Сэндис и легонько ущипнула его под столом за ногу. Совсем чуть-чуть, чтобы привести в чувство, а не причинить боль. Элис была вся внимание. Похвально.

Глаза Кайзена, удивительного небесно-голубого цвета, пробежали по лицам вассалов и остановились на Сэндис. У нее затряслись поджилки. Обжигающий огонь, рвущиеся мышцы и сверхъестественное существо, пожирающее ее целиком, жаром воспоминаний опалили ее. Она – орудие в руках Кайзена.

Теплая пульсирующая боль ударила ей в голову. Она почувствовала *Ego*. Того, кого не должна была чувствовать. Невидимую силу, тайну, которой ни с кем не собиралась делиться.

Вассалам не положено *ощущать* присутствие нумена, даже если они – его мирское воплощение, даже если они ему посвящены.

Только бы Кайзен не прознал про ее уникальность. Ведь яснее ясного, что быть уникальным здесь смертельно опасно.

– Сэндис.

Услышав свое имя, она зябко поджала пальцы на ногах, обутом в мягкие тапочки, и мгновенно вскочила, расправив плечи и вытянувшись во весь рост, выказывая безукоризненную готовность и повиновение. Послушание – ключ к сердцу Кайзена. Он не выносил строптивых рабов. Взгляды вассалов обратились на нее, но ее глаза пожирали лишь хозяина, Кайзена.

Вытянув костлявый, скрюченный от старости палец, он поманил ее за собой.

Забыв про недоеденный ужин, она последовала за ним.

###

В четыре часа ночи в продуваемом насквозь подвале мужчины трепетали от ужаса – перед ними стояла Сэндис. Для того Кайзен и привел ее сюда, для того он и водил ее повсюду – чтобы нагнать страха. И потому, несмотря на пронизывающий холод, на ней была легкая туника, обнажавшая стигму – древние носконские письмена, отливавшие золотом, начертанные на позвончике.

Когда оккультисты наносили на спину Сэндис знак Духа, она и не догадывалась, что боль от клеймения – ничто по сравнению с тем, что ждало ее впереди.

Сэндис спокойно глядела перед собой. Она была обычной восемнадцатилетней девчонкой, не слабее и не сильнее других. Она не владела никаким мастерством, если не считать умения работать на конвейере, приобретенного ею в детстве. Она не могла похвастаться крепким сложением, недюжинным ростом или свирепым оскалом. Она даже не была вооружена.

И в то же время находившиеся рядом с ней мужчины – банкиры, счетоводы и тройка местных «шакалов» прекрасно понимали, насколько она опасна. Они знали, в кого она могла обратиться. Кайзену достаточно прошептать несколько слов, чтобы невольница Сэндис исчезла, а в ее тело вселился Дух из потустороннего мира. Дух, чье имя, смешанное с кровью и золотом, горело и полыхало у нее на спине. Существо, подвластное лишь воззавшему к нему жрецу-заклинателю.

Ирет.

– Уверю вас, все в полном порядке, – произнес один из банкиров.

Сэндис ни секунды не сомневалась, что верно угадала его профессию: так, с иголки, одевались только банкиры. А еще она ни секунды не сомневалась, что он трепетал от ужаса. Он дрожал как осиновый лист, прятал глаза, а на его верхней губе блестели капельки пота. Вместе с двумя товарищами он мялся возле стола, что был напротив двери в самом дальнем конце комнаты.

Невыгодная позиция.

– Надеюсь, так оно и есть, – отозвался Кайзен. Голос его, невзирая на возраст, по-прежнему оставался звонким и сильным.

За все четыре года, что она провела в логове, Кайзен ни разу не упомянул, сколько ему лет, и Сэндис полагала, что около семидесяти. Он, как скала, возвышался и над Сэндис и над банкирами (ему вообще было не привыкать возвышаться над каждым встречным), и только сегодня один маячивший в отдалении широкоплечий «шакал» мог потягаться с ним в росте. Бандиты не особо отличались от оккультистов: просто они предпочитали разбираться со своими обидчиками без помощи ведовства и не превращали людей, подобных Сэндис, в оружие языческой мести. По правде говоря, бандиты сторонились оккультистов. Однако в последнее время Кайзена и «шакалов» объединяли общие интересы – шальные деньги и враги. А банкиры, по всей видимости, насолили обоим заинтересованным сторонам.

Пока Кайзен страдал финансистов, Сэндис держалась особняком. Мало кто что-либо понимал в обрядах, требующих погружения в эфирную среду. И лишь единицы отваживались их совершать. Стоило чуть-чуть напутать с заклинанием или забыть смешать кровь вассала и жреца, как нумен выходил из повиновения и набрасывался на того, кто его призвал. Стоило только полиции пронюхать, что кто-то занимается ведовством, как жрец и его вассал тотчас оказывались за решеткой в «Герехе», самом жутком узилище Колинграда, по сравнению с которым логово Кайзена представлялось обителью блаженства. Ведовство считалось ересью. Хотя Кайзена религия заботила мало.

А вот Сэндис заботила. Когда-то. Давным-давно.

Широкие поля шляпы скрывали продолговатое лицо Кайзена и прятали блеск его хищных глаз – блеск, по которому немудрено было угадать дальнейшие намерения жреца. Если, конечно, уметь читать по глазам. А Сэндис наловчилась в этом изрядно. Кайзен о ее способностях не догадывался. По крайней мере, она очень на это надеялась. Когда дело дойдет до схватки с Кайзеном, это умение ей пригодится, как и пара-тройка других, которые она приобрела за годы общения с ним.

– Нет ничего особенного в том, что я хочу взглянуть в приходно-расходные книги, – настаивал Кайзен.

Неужели банкиры оглохли и не слышат угрозы в его голосе? Голосе, от которого у Сэндис мурашки бегут по коже. Вроде бы простые слова, но Кайзен никогда ничего не говорил просто так. Он никогда не повышал голоса, не просил и не умолял. С какой стати ему было до этого опускаться: любой и каждый в этой комнате, любой и каждый в этом городе был пешкой в его игре... игре, в которой ему не было равных.

Банкир кивнул и повернулся к сотоварищам. Они сдавленно зашушукались, один из «шакалов» вытянул шею и наострил уши. Кайзен, склонив голову набок, застыл, выпрямился во весь свой немалый рост. Его длинные и тонкие пальцы, словно лапы паука, сплелись на серебряном набалдашнике трости. На Сэндис он не смотрел.

Чаще всего на подобных мероприятиях Сэндис стояла как столб, бессмысленно таращась в пустоту. Кайзен не одобрял, когда вассалы совали нос в его дела. Она и не совала, не вела даже бровью, чтобы не выдать свою заинтересованность. Однако от глаз ее не укрылось, как банкир вытащил запертый ларец, поставил его на вымытый до блеска стол и, повозившись с замком, наконец-то его отпер.

– Не понимаю, для чего *они* здесь, – буркнул он, косясь на «шакалов».

Скользнув глазами по первому отчету, Кайзен сразу же отложил его в сторону и потянулся за следующим. Прочитал титульный лист, открыл, быстро пролистал. Отчет о расходах за текущий месяц, если судить по дате; Сэндис поспешно отвела глаза. Кайзен был уверен, что она не умеет читать – одержимые в массе своей были неграмотны. Не стоит давать ему повода для подозрений: лишний козырь в рукаве ей не повредит, а она *ни за что* его не отдаст.

– Ваша нерасторопность пагубно отражается на моих с ними отношениях. Потому-то они и здесь. – Кайзен ожесточенно листал приходно-расходную книгу.

Один из бандитов перехватил ее взгляд, но тут же потупился.

Дружба дружбой, а от Сэндис все предпочитали держаться подальше, хотя без Кайзена она была совершенно беспомощной. Она кое-что помнила о своих перевоплощениях. Еще один секрет, который Сэндис тщательно хранила от своего хозяина. Вассалы *никогда* – никогда – не помнили о том, что происходило, когда ими овладевал Дух.

«*Ирет*», – подобно грому раздалось у нее в голове, и Сэндис на мгновение испугалась, что произнесла имя Духа вслух. Но вокруг все шло своим чередом: Кайзен препирался с банкирами и уделял ей внимания не более, чем колченогому стулу. Сэндис осторожно обвела глазами комнату, пытаясь угадать, о чем думают окружающие ее люди, и внутренне содрогаясь от запахов пота, керосина и страха, пропитавшего эти темные прочные стены. В дальнем углу комнаты виднелись два сейфа. Окон не было вовсе. Все лампы, кроме двух, перенесли поближе к столу, где Кайзен с хозяйской дотошностью просматривал счета и бухгалтерские отчеты.

Казалось, самый молодой банкир, худенький, как тростинка, юноша, вот-вот упадет в обморок. Он побледнел, как полотно, под его глазами залегли фиолетовые круги. Сэндис поспешно отвела взгляд – незачем пугать его до полусмерти.

Слева от нее вдоль всей стены тянулась длинная пробковая доска с пришпиленными на ней бумагами и записками. Под доской в многочисленных ящиках громоздились кипы приходно-расходных книг, папок и различных финансовых документов. Она медленно шарила глазами по одной из надписей – да, она умела читать, но без постоянной практики было сложно мгновенно осознавать прочитанное. Требовалось время, чтобы слова обрели смысл.

«*Пожертвования*» – прочитала она. И рядом: «*Обмен золота*».

Кайзен пробормотал что-то себе под нос. Взгляд Сэндис метнулся обратно к банкирам, и она замерла: она увидела слово, которое могла прочесть без запинки, слово, знакомое ей лучше всех слов на всем белом свете – «*Гвенвиг*». Ее собственная фамилия.

Дыхание Сэндис пресеклось, и она заставила себя бесцельно пялиться вдаль, пока снова не пришла в себя.

– Но так работают все банки, Кайзен, – сказал третий, пожилой, банкир – не тот, первый, со вспотевшей губой, и не тот, второй, без кровинки в лице. Лоб его избородили глубокие морщины. – Испокон века банки – это кредиты и ссуды.

Бросив взгляд на книгу, Сэндис снова увидела свою фамилию. «Гвенвиг». Не самую благозвучную и не самую обыкновенную фамилию. Кроме нее только трое носили эту фамилию – и все трое были мертвы.

– Ошибаетесь, мистер Бан, – медоточиво проговорил Кайзен, и у Сэндис душа ушла в пятки. – С вашей корпорацией я работаю на особых условиях. И, смею вас заверить, мои финансовые вложения работают по-другому.

«Гвенвиг». Она чуть-чуть наклонила голову, чтобы прочитать целиком – «Талбур Гвенвиг». Мужчина. Не отец и не брат. Совершенно неизвестный ей человек.

«Тише, Сэндис, тише». Проглотив застрявший в горле комок, она призвала сердце к спокойствию и порядку. Кайзен примечает все, даже когда притворяется слепым и глухим. Она снова подняла глаза, но, заметив, каким ужасом исказились лица банкиров, опустила глаза долу.

«Гвенвиг. Гвенвиг. Гвенвиг».

Неужели он член ее семьи и живет в Дрезберге?

Неужели у нее, Сэндис, есть семья?

У нее пересохло во рту. Голоса в комнате слились в неразборчивый гул. Родители умерли, когда они с Аноном были совсем детьми. Брат ушел в небытие незадолго перед тем, как ее купил Кайзен. У нее никого не осталось. Только оккультисты и Ирет.

И все-таки... Гвенвиг. Неужели спасение рядом – только протяни руку?

Холодная длань Кайзена легла на ее плечо, и пауки-пальцы сомкнулись. Она вскинула глаза, но он не смотрел на нее. Она что-то проворонила? Ужасно! Если ее хозяин требует уделить ему внимание у всех на виду, это означает только одно...

Три банкира оледенели от ужаса. Двое «шакалов» стремглав кинулись вон из комнаты.

– Кайзен, – отчаянно вскрикнул пожилой банкир, пытаясь придать своему голосу уверенности. – В этом нет никакой необходимости!

– Еще как есть.

Кайзен развернул Сэндис лицом к себе, и книга, которую она так страстно хотела изучить, осталась у нее за спиной. Повернуться она не посмела – Кайзен мигом бы обо всем догадался. Она уткнулась в пол и закрыла глаза, ожидая перевоплощения. В жилах ее закипела кровь. Кайзен поколебался секунду, глядя ей через плечо, затем надавил ладонью ей на затылок. Сэндис попыталась расслабиться, отрешиться от происходящего. Кайзену, должно быть, не терпелось приступить к обряду, иначе он бы вначале приказал ей раздеться, чтобы не портить зря одежду.

Перевоплощение – мука мученическая. Неважно, сколько раз Кайзен призывал в ее тело нумена. Каждый раз – словно заново. Искаженные страхом лица несчастных жертв Кайзена и невыносимая боль, когда Дух разрывал ее тело, чтобы вселиться.

Желудок Сэндис болезненно сжался, но она распахнула душу, приветствуя Ирета. Чем меньше сопротивляешься, тем легче.

Ирет не желал ей зла.

Кайзен благоговейно вскинул руки, и тягучие слова на забытом ныне языке полились у него изо рта. Заклятие тьмы. Четыре строки, словно четыре слова. Сэндис вздохнула и тотчас же позабыла их – ее затопила всепоглощающая, неукротимая ярость.

Раздирающий уши вой оглушил ее, и тело ее, истерзанное, изломанное, избитое, разнесло в клочья. Кислая горечь подступила к горлу, железо ободрало рот. Живот вспоролось, кости обратило в труху, жилы вытянуло: «хрум», «хрясь», «вжух»...

###

По телу Сэндис прошла судорога, и девушка очнулась. Первое, что она увидела, – знакомый до одурения коричневый в клеточку потолок. Значит, она в спальне вассалов. По руке ползли мурашки, у нее все еще был жар. Сэндис прикрыла глаза. И мысленно увидела огонь. И почувствовала, что она для чего-то нужна, и...

Видения исчезли.

Сэндис осторожно села на кровати. Главное – не дергаться, иначе голова взорвется от невыносимой боли. Она вздохнула размеренно и глубоко и невидящим взглядом уставилась на серое одеяло, пытаясь вспомнить... Но на сей раз память напоминала чистый лист бумаги. И только разрозненные, обрывочные картинки проплывали перед ее мысленным взором. Она попыталась ухватиться за них. «Огонь». Ирет всегда оставлял по себе видение огня. «Нужна». Да, она частенько ощущала, что Ирет нуждался в ней.

Три с половиной года Сэндис пробуждалась после обряда вселения, не помня ровным счетом ничего. Даже сны не желали заполнить зияющие пробелы в ее памяти.

И вдруг полгода назад начались видения. В ее памяти всплывали лица, крики, голос Кайзена, отдающий приказы, исполнить которые было не под силу обычному смертному.

Сэндис никому не призналась в том, что Ирет с ней общался. О какой помощи просил огненный конь и что ему было *надо* от Сэндис, оставалось тайной за семью печатями. К сожалению, говорить с ней напрямую нумен не умел, а может, и не пытался.

Поморгав, Сэндис сбросила остатки сна, вернулась к реальности и тут же сморщилась от головной боли. На ней были новые штаны и рубаха; неудивительно – вселяясь в нее, Ирет в клочья раздирает одежду. Она вытянула руку, и мышцы во всем теле разом взвыли от нечеловеческого перенапряжения, недавно выпавшего на их долю. На прикроватной тумбочке Сэндис нащупала деревянную чашку с водой и осушила ее в три глотка. На зубах противно заскрипел песок. На дне чашки лежала пилюля. По всей видимости, Сэндис провела в бессознательном состоянии гораздо больше времени, чем обычно.

В животе глухо заворчал. Она взволнованно оглядела комнату и вздохнула удовлетворенно, заметив на подносе возле двери холодное мясо и яблоко. Кайзен хорошо кормил своих невольников. С голодного вассала толку мало.

Сэндис сползла с кровати, сделала шаг на трясущихся, как желе, ногах и услышала, как в дальнем углу кто-то приглушенно всхлипнул. Сэндис внимательно осмотрела шесть узких постелей – собственность Кайзена – и заметила на койке Хита несуразный куль. Куль тихонько подвывал.

Сэндис перевела взгляд с Хита на мясо и обратно. Вздохнула.

– Хит?

Куль вздрогнул.

Будь это кто-то другой (Элис, Кайли, Дар или хотя бы Рист), Сэндис бы не на шутку встревожилась. Но Хит вечно сгущал краски. Настроение у него менялось стремительнее, чем смены на оружейной фабрике. Он носился со своими страхами, как дурень с писаной торбой.

Сэндис неторопливо – голова по-прежнему немного кружилась – направилась к страдальцу.

– Хит, что стряслось?

Хит, закутавшись в одеяло, как в кокон, качался из стороны в сторону; его непослушные каштановые волосы стояли дыбом, глаза – впрочем, как и у Сэндис, наверное, – были налиты кровью. Такое случалось после обряда. А еще Сэндис боялась, что, если так пойдет и дальше, она вскоре станет седой, как лунь.

Хит, который был на два года старше Сэндис, захныкал, словно малое дитя.

– Я – следующий, – заскулил он. – Я – следующий. Следующий...

– Маловероятно, что Кайзен снова призовет нас. – Сэндис присела на краешек постели Риста. – Ты голоден? Я с тобой поделюсь.

– Не прикидывайся! Ты ведь слышала крики сегодня утром! Конечно, слышала...

Сэндис зазнобило, холодные иглы закололи шею. Она подняла руку, чтобы почесать зудевшую под волосами кожу, и скривилась от боли. На локтевом сгибе виднелось красное пятнышко – след от укола. Сэндис нахмурилась: пока она пребывала в небытии, Кайзен взял у нее кровь, чтобы держать в узде Ирета. Впрочем, этого и следовало ожидать.

– Я спала мертвецким сном, – пошутила она.

Хит остервенело затряс головой и, внезапно сбросив одеяло, с размаху припечатал огромные ручища к ушам.

– Кто-то кричал. Как и на прошлой неделе.

И вновь Сэндис кинуло в озноб. *Та* ночь до сих пор не шла у нее из головы. В тот раз истошный крик посреди ночи подбросил ее на кровати. Она зажала уши и, качаясь из стороны в сторону, убаюкивала себя колыбельной, пока не наступила тишина. Она не стала выяснять, кто кричал и почему. Кайзену не нравилось, когда они покидали спальню по ночам, а Сэндис строго следовала правилам. Она была образцовым вассалом.

Тем более, здесь, под землей, кричали много и часто.

Хит обнял руками колени и зашатался, как маятник.

– Он снова взялся за свои эксперименты.

– Снова? – съежилась, как от удара, Сэндис.

– Он что-то замышляет. Хочет вызвать нечто... нечто, доселе невиданное. Не знаю, но я – следующий.

Сэндис, забыв про голод, встревоженно оглянулась на дверь.

– Почему ты так думаешь? – спросила она прерывающимся голосом.

Нет, так не пойдет. Сэндис закашлялась, прочищая горло. Нельзя потакать Хиту, когда на него находит. Его надо держать в ежовых рукавицах.

– Потому что я – следующий. – Хит затряс головой и перекатился туда-сюда. – Он ненавидит меня, точно тебе говорю. К тому же я до сих пор не посвящен.

А вот Сэндис посвящена, как Дар и как Рист. Она провела рукой по имени Ирета, вытатуированному в самом низу своей шеи. Если ты посвящен, то вызов Духа проходит гораздо быстрее. Ирет был могучим нуменом, Духом седьмого уровня. Седьмого из десяти возможных. И Кайзен частенько прибегал к его услугам.

– Не такое уж это и счастье – быть посвященным, – вздохнула она.

Как странно ощущать сродство с Иретом, существом, которого ты никогда не видела. Существом, которого ты *никогда* не увидишь. У Дара и Риста все по-иному – она это знала наверняка. По тому, как они беседовали с ней, как отвечали или уклонялись от ответов на ее хитроумные вопросы, она знала – они не чувствуют связи со своими нуменами.

Хит качался не переставая, и у Сэндис закружилась голова. Ее затошнило.

– Он не станет экспериментировать на посвященных, – простонал Хит. – Не станет вселять Демона в вассалов Духа. Он практикуется на всякой швали, такой, как я.

– О *каком* Демоне речь? – Сэндис натянулась как струна.

Довольно. Она сыта Хитом по горло. Хватит плясать под его дудку. Еще чуть-чуть, и он совсем расклеится, и тогда Рист оторвет ей голову.

– Никакая ты не шваль, Хит, – уверила она его. – Кайзен тебя ценит. И ты это знаешь.

Как бы то ни было, а одержимые на каждом углу не валялись. Чтобы стать вассалом, требовалось отменное здоровье – никаких болезней, никаких недомоганий. Это не обсуждалось. Не приветствовались также шрамы, проколотые уши и носы: в таких вассалов не могли вселяться нумены высших ступеней. Кроме того, как утверждал Кайзен, вассал был немыслим

без «открытой души», дара, и человек либо наделялся им с рождения, либо приобретал его после долгих размышлений и медитаций. Каждый одержимый стоил Кайзену целое состояние. Состояние, которое, как подозревала Сэндис, Кайзен быстро отыгрывал назад.

Когда-то Кайзен и сам был вассалом. Только тот, кто хоть раз в своей жизни был одержимым, мог стать жрецом-заклинателем. Однако с тех пор много воды утекло. Кайзен – и в этом нет никаких сомнений – избавился от печати Духа на своем теле. Он больше не сходил с ума от боли. Теперь он с невыразимым наслаждением причинял ее другим.

– Но не так, как тебя. Ты его любимица. Тебя он не пустит в расход.

– Элис и Кайли тоже не посвящены, – попробовала зайти с другой стороны Сэндис, – а ты сильнее их, вместе взятых. Просто Кайзен хочет, чтобы ты оставался... свободным.

Как и она, Хит выдерживал присутствие Духов седьмого уровня, а также Духов послабее. «Когда Кайзен использовал его в последний раз?»

Хит стenal и качался, зарывшись лицом в колени. Стenal и качался...

– Он прав.

Сэндис вздрогнула и оглянулась. В дверях, небрежно привалившись к косяку и скрестив на груди руки, стоял Рист. Черная прядь волос свисала ему на глаза.

Хит застонал.

– Да я не про тебя, – раздраженно отмахнулся от него Рист.

Рист никогда не давал спуска брату, и Сэндис это казалось донельзя странным – ведь они были *семьей*.

– В последнее время Кайзен только и делает, что покупает рабов, – процедил Рист, двинувшись к ним.

– Ты их видел? – В груди у Сэндис похолодело.

– Не я. Кайли. Зато я видел отпечатки их пальцев на договоре в кабинете Кайзена.

– Ты снова за старое, Рист!.. – выдохнула ошарашенная Сэндис. – А ведь в прошлый раз он еще мягко с тобой обошелся...

Избивать вассалов до полусмерти – не для Кайзена. У него были иные способы воздействия. Когда Рист, пытаясь выяснить, что задумал Кайзен, попался, его заперли в карцер почти на целую неделю! А ведь Рист даже читать не умел. Он там чуть не свихнулся! Иногда Кайзен лишал преступника еды или воды или заменял их суррогатами... Или натравливал Голта на другого вассала и заставлял нарушителя смотреть, как пытаются невиновного. От подобного Сэндис просто с души воротило. Однако чаще всего предугадать, что придумает Кайзен, было невозможно, и эта неизвестность страшила Сэндис похлеще самой суровой из известных расправ. Поэтому она и держалась словно камень и никогда не преступала правил. Поэтому она и держалась словно камень и ходила в «любимчиках», как выразился Хит.

Она лезла из кожи вон, чтобы казаться *паинькой*.

– Не важно. – Рист поджал губы. – Я думаю, он экспериментирует по ночам, когда под рукой есть подходящий вассал. Тот, кого не жалко угробить. Какая-нибудь шелупонь, которую он скупает за бесценок.

– Но одержимые – большая редкость, – возразила Сэндис.

– Только здесь, – дернул плечами Рист. – За границей – другое дело.

Хит зажал уши руками.

– Кайзен не причинит тебе зла. – Сэндис положила руку ему на плечо. – Он не причинит зла никому из нас. С нами все будет хорошо.

Тревога омрачила лицо Риста, и Сэндис поспешно отвернулась и уставилась на ряд пустых постелей. Где сейчас Элис, Дар, Кайли? Кто-то, возможно, готовится к обряду, кто-то гнет спину на побегушках у Зелны, а кто-то держит ответ за проступок, о котором Сэндис пока ничего не ведает. Нет, об этом даже думать не след, иначе сдуреешь.

Взгляд ее скользнул по кровати Элис. Элис... Новенькая, юная, самая слабая из вассалов Кайзена. Если приобретенная Кайзеном «шелупонь» окажется ни на что не годной, не решит ли он попрактиковаться на Элис?

«Нет! Он не тронет Элис. Ты ее всему обучила, – твердила про себя, как заклинание, Сэндис. – Она знает все, что ей положено знать. Она не поднимает глаз, молчит и не нарушает правил. Точно так же, как и ты. Ей ничто не грозит».

Уж Сэндис об этом позаботилась.

Однако яд сомнения уже разлился по ее венам, и желудок ее скрутило невыносимой болью. Уверяя себя, что ей просто хочется есть, Сэндис встала и направилась к подносу.

Но каждый проглоченный кусок застревал у нее в горле.

2

«Что может быть лучше, чем мчаться по крышам Дрезберга», – ликовал Рон.

Конечно, и здесь никуда не деться от смрада, но тут, по крайней мере, почти нет людей, никто не толкается, и вероятность вляпаться в кучу неизвестно чего сведена к минимуму. А это уже немало.

Разумеется, прыгать с крыши на крышу – иногда с веревками и досками, иногда с иными подручными средствами, а когда и вовсе без них – небезопасно. Однако, полагал Рон, овчинка выделки стоит: что ни говори, а на высоте пяти этажей вряд ли тебя разденут до нитки, оплюют с головы до ног или проткнут кинжалом. Не то что там, внизу, на брусчатке.

И упасть не страшно: у него есть оберег.

Прошло несколько минут, и зловеще громадное солнце закатилось за массивную стену, отделявшую Колинград от остального мира. Не стена – гора! При взгляде на нее Рона всякий раз охватывала тоска: это не город, а клетка, где люди гадят по углам и напрочь забыли, что такое свежий и чистый воздух. Только здесь, в вышине, Рон мог заглянуть *за* стену. Он вскинул голову и вообразил себя там. «Вот это – по мне, – подумал он. – Широченные дороги и бесконечный простор».

«Так, однако, и сверзнуться недолго», – урезонил он сам себя, опустил глаза, разбежался и прыгнул.

Дрезберг был вонючей выгребной ямой: куча людей, заводов и выматывающей душу работы. Болезни процветали, дома жались друг к другу, а люди все строили и строили их и набивали квартиры хламом. Высокие небоскребы. Тесные жилища. Дети, пищавшие в каждом углу. С другой стороны, чем меньше пространства, тем проще Рону. Длинноногий, как олень, он с легкостью перемахивал узенькие переулочки, а через плотно стоявшие дома и вовсе переступал, словно через трещинки в мостовой.

Прогулялся лунной ночью по крыше, умыкнул то, что надо, – и все дела.

Это ведь даже не кража, внушал себе Рон. За вещицу заплатили чин чином. Просто деньги перекечевали в карман Рона, а не владельца безделки. Тем более сегодня Рон отправился на охоту за носконской тиарой, истинный владелец которой почил в бозе тысячу лет тому назад. Наверняка. Точно тысячу? Рон почесал в затылке: кем-кем, а прилежным учеником он никогда не был. Да и, к слову сказать, папаша не особо старался натаскать его на всемирную историю.

Рон задержался на крыше библиотеки (ну, или чего-то на нее похожего), отдышался и расправил плечи. Жители-богатеи селились как можно ближе к стене – подальше от дымового кольца и бедняков, ютившихся в его окрестностях. С чего вдруг люди, имевшие стабильный и непомерный доход, *предпочитали* жить в Дрезберге, не укладывалось у Рона в голове. Не все же из них безмозглые политики, окопавшиеся в Иннеркорде! Не все же из них принимали бессмысленные законы и вкушали свежее мясо! Хотя, конечно, толстосумы от свежего мяса никогда не отказывались.

Сегодня Рон тоже сродни толстосумам, но вот свежее мясо ему не по карману – дороговато, как, впрочем, и арендная плата.

Под его ногами дрожали и переливались огни ночного города. Рон дал знатного кругая, чтобы обогнуть полицейский участок, неспешно перепрыгнул на крышу двухэтажного дома и скользнул вниз по прочной водосточной трубе. В неприметной серой одежде он был почти неразличим во тьме. А изящного покроя воротничок-стойка, последний крик моды, удачно маскировал его под жителя фешенебельного квартала. Пригодится, если кто его засечет.

Выудив из кармана бумажку, Рон сверил адрес:

Округ Два, северо-восточный район столицы.

Он свернул за угол, миновал переулок, перепрыгнул забор и очутился на соседней улице. Ничего себе! Да это не квартира. *Дом!* Никаких тебе соседей бок о бок или общих владений. Домина, *белый-пребелый*. Только диву даешься, зачем в этом городе, почерневшем от ядовитого фабричного дыма, который дождь превращает в грязевые потоки, люди красят дома в белый цвет. Вот уж повезло какой-нибудь сиротке прибираться в этаких-то хоромах.

Впрочем, сиротки Рона заботили мало.

Улицы были безлюдны. Здешние жители не вкалывали на фабрике с утра до ночи и с ночи до утра – в этот час они все уже спали. Рон беззвучно – спасибо учителю, который, не жалея сил, вбивал в него науку неслышного шага, – приблизился к дому.

Дорожки в небольшом дворике были посыпаны скрипучей кварцевой крошкой, и Рон недовольно скривился – придется балансировать на бетонном бордюре, чтобы добраться до цели. Хорошо еще, что Эрнсту Ренаду, *хозяину* дома, не стукнуло в голову завести себе сад. В Дрезберге ничего не росло, даже на окраинах. Все овощи и фрукты для жителей города доставляли с отдаленных северных ферм, куда не проникал удушающий смог.

Рон подошел к юго-западному углу дома и, цепляясь за дымоход и белесые карнизы, вскарабкался на третий этаж. Душка Эрнст позаботился о том, чтобы предложить ему уютный балкончик. Присев на перила, Рон пошарил в кармане, проверяя, на месте ли его маленький золотой оберег, бессчетное количество раз спасавший его от смерти. Вряд ли ему сегодня понадобится амаринт: кража древнего артефакта у одного из богатейших жителей Дрезберга казалась Рону плевым делом, однако никогда не мешает подстраховаться.

Его наниматель в мельчайших подробностях объяснил, как выглядит и где хранится сокровенная тиара. Однако Рон не знал, можно ли ему доверять: наниматель был новый, Рон никогда не работал с ним прежде. Какой-то промышленник, или типа того, вынес он свой вердикт после встречи с работодателем с глазу на глаз. Рон был вольным стрелком, и его клиенты часто менялись.

Он соскочил с перил. Одна только беда с этими кражами – если попадешься, богатеи могут подмазать тюремщиков и политиканов, и те засудят тебя за милую душу! Такой срок впаяют – закачаешься. Разумеется, законы, адвокатов и судей никто не отменял, но в конечном счете в Дрезберге все решали деньги. Да и не только в Дрезберге – повсеместно. А с коррупцией не мог совладать даже оберег Рона.

Мозолистой ладонью он потер щетину на лице. Сейчас или никогда.

Вытащив заточку из заднего кармана брюк, он отжал отштукатуренную дверь и очутился внутри. Почти не дыша зашел в комнату и настороженно пригнулся, разглядывая гигантскую кровать. «У некоторых людей квартиры меньше, чем эта кровать», – мелькнуло у него в голове. На кровати небрежными комками лежали два одеяла. Рон прокрался мимо, давая глазам возможность привыкнуть к темноте, и опасливо шагнул в распахнутую настежь дверь спальни. У Эрнста Ренада было двое взрослых детей – наверняка их сейчас нет дома, но кто знает. Надо быть начеку.

Рон оказался в огромном коридоре с убегающей вниз лестницей и свесился через перила, защищавшие владельцев дома от нечаянного падения вниз на два этажа. «Ничего себе архитектурка, – поразился Рон, вглядываясь в огромный пустой колодец, простиравшийся от парадной двери на первом этаже до высоченного потолка на третьем. – Выдумали же – изъять такую прорву жилого пространства! Вот ведь деньги на ветер». Завернув за угол, Рон принялся считать двери. «Так, это, должно быть, гостиная... А, нет – бельевой шкаф... А это... Бинго!»

Рон заскочил в комнату и плотно запер за собой дверь (до отказа, чтобы та не скрипнула), повернув направо шишковатую ручку. Замер. Даже в неверном свете пепельно-серой луны, этого единственного для него источника света, он был поражен видом комнаты, как громом. Да работай он двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю всю свою жизнь, он не наскреб бы и на половину всех этих побрякушек! Подумать только: позолоченные зеркала, отражавшие

его восторженную фигуру, картины в золоченых рамах, причудливые яйца, инкрустированные то ли настоящими, то ли фальшивыми бриллиантами. Роскошные ковры и журнальные столики с украшенными затейливой резьбой ножками, а на них – настольные игры с вычурными фигурками на крышках. А это что? *Арфа*? Рон закатил глаза.

Его добыча поджидала в углу, за толстым, обвисшим шнуром, предостерегавшим любопытных – «*смотри, но не трогай*». «Как мило», – ухмыльнулся Рон, перешагнув через шнур и вплотную подошел к проволочному манекену с неполным комплектом носконских доспехов. Проржавевший по краям нагрудник зиял дырами. Заржавеешь тут, если тысячу лет проведешь под возведенным над тобой городом. Первопроходцы-колинградцы даже не удосужились разгрести завалы носконского поселения и воздвигли свои строения прямо на руинах древнего города. Рон опустил руки. Что ж, спасибо им и за это.

И тут, как бы напоминая ему, что нужно *пошевеливаться*, его плечо пронзила острая боль.

Оторвавшись от созерцания лат, Рон поднял глаза к голове манекена и покоящейся на ней тиаре – венцу, обшитому золотой тесьмой и отделанному нефритом. В том месте, где венцу надлежало касаться лба, полыхал треугольный синий сапфир. Бесценный артефакт – и не потому, что волшебный, как амаринт, а потому, что старинный. Зачем артефакт понадобился его нанимателю, Рон не интересовался. Языком чесать – не его работа.

Его работа – совершать невозможное. Как ни крути, а порой Рон достигал невиданного мастерства в своей профессии.

Ставив с некоторым почтением тиару с манекена, Рон направился к ближайшему окну, отворил его и выбрался на сколотый карниз.

Внимательно повертел головой, проверяя, все ли спокойно, и легко, по-кошачьи, спрыгнул на землю. Треклятая кварцевая крошка предательски затрещала под ногами. Выпрямившись во весь свой немалый – метр восемьдесят – рост, Рон спрятал артефакт под лапами куртки и был таков. Ушел он, правда, иным путем – перепрыгнул через соседний забор, пересек двор и юркнул на улицу.

«Да они сговорились тут, что ли, посыпать дорожки этой скрипучей крошкой!»

Засунув руки глубоко в карманы и склонив голову, Рон размашисто зашагал по переулку. И почти выбрался.

И тут путь ему перерезал свет фонаря.

– Эй, ты!

С северной оконечности квартала к нему на всех парусах несли полицейский в темно-алой форме. За ним по пятам неслись два его товарища. Итак, район, где обитают денежные мешки, патрулируют три полицейских. А в это время в дымовом кольце у какого-то бедолаги, возможно, тумаками и зуботычинами отбирают последний кусок хлеба!

Рон вскинул голову, улыбнулся. Мама уверяла, что у него чарующая улыбка. С ней, кстати, соглашалась уйма других хорошеньких женщин.

– Чем обязан? – Рон приставил козырек ладони к глазам, защищаясь от света назойливого фонаря.

– Странное время для прогулок, – хмыкнул полицейский, осматривая его с головы до ног. Взгляд его задержался на шикарном воротничке – фетише «золотой молодежи». – Ты здесь живешь?

– Ага, во-он там, – махнул рукой Рон.

– Кто-то запалил сигнальную лампу. Сказал, что увидел чью-то тень.

– Тень? *Ночью*? – Рон недоверчиво приподнял бровь, всем своим видом выражая ничем не прикрытое изумление. – Да я две дюжины теней насчитаю прямо сейчас, не сходя с места. И вы – одна из них.

Служитель порядка нахмурился и снова уставился на воротник Рона. Не вынимая руки из кармана, Рон схватился за амаринт. Если «алых» уболтать не удастся, придется задать стрекача. И тогда ему в спину нацелятся три пистолетных дула. Амаринт даст ему одну минуту форы. Рон скользнул взглядом за спину полицейского, оценивая его напарников. Ничего, прорвемся.

– Там – это где? – поинтересовался блюститель закона, опуская фонарь.

– Там – это где свет, – мотнул головой Рон в сторону двух освещенных домов.

– Ладно, ступай, – разочарованно протянул полицейский, словно Рон нанес ему смертную обиду, решив прогуляться на сон грядущий. – И лучше сиди по ночам дома, сынок. Нечего шлындать тут, время наше попусту тратить.

«Нечего грузии тут околачивать и попусту тратить деньги налогоплательщиков, несясь по первому зову того, кто засветит красную лампу». Господи Боже, как же он ненавидит Колинград. Как же он ненавидит Господа Бога.

Благонравно кивнув полицейскому, Рон расслабленной походкой отправился восвояси.

Но лишь только свет полицейского фонаря поглотила тьма, он бросился во двор, приподнял крышку канализационного люка и нырнул в водосток.

3

«Огонь. Нужна».

Сэндис вздрогнула и проснулась. Кровь бешено стучала в висках, словно она слишком глубоко занырнула. Глаза горели. Дыхание перехватывало, и каждый вдох давался ей с неимоверным трудом. Протянув руку, она нащупала кувшин, перелила его содержимое в чашку и выпила все до последней капли.

Боль и напряжение потихоньку отпустили. Сэндис помассировала шею. Чуть слышно хрустнули позвонки. Коротко подстриженные, до подбородка, волосы упали ей на лицо. Желудок мучительно сжался. Пристально вглядываясь в темноту, которую прорезала лишь бледная, выглядывавшая из-под двери полоска света, Сэндис, успокаивая себя, пробормотала: *«Не сегодня. Сегодня ты ему не нужна».*

Невозможно привыкнуть к страданиям, причиняемым вселяющимся в тебя Духом. Сэндис, по крайней мере, привыкнуть не могла.

Она повалилась на кровать, прислушалась к дыханию вассалов и вдруг уловила сдавленный, но отчетливо прозвучавший в ночной тишине крик. Крик, эхом прокатившийся по коридору.

По коже пробежал мороз. Зарывшись в подушку, она твердила, как заведенная: *«Это ветер, просто ветер».* Неважно, что они жили глубоко под землей. Неважно, что Хит рассказывал ей про крики.

Она закрыла глаза, пытаясь уснуть, но зов Ирета – она нисколько не сомневалась, что это Ирет взывал к ней, – упрямыми молоточками стучал в ее голове, отгоняя сон. Который час? В спальне вассалов часов не было. Как и свечей и ламп.

«Огонь. Нужна».

Кричал мужчина.

Сэндис приподнялась, прищурилась, вглядываясь во тьму. Кровати в спальне образовали что-то вроде подковы: они стояли достаточно близко, но не впритык друг к другу. Вассалы, лежавшие на соседних койках, располагались «валетом»: один спал головой к центру, другой – ногами. Кровать Сэндис размещалась у самой двери, от нее полукругом расходились кровати Элис, Кайли, Хита, Риста и Дара.

Сошурившись так, что заслезились глаза, Сэндис скрипнула зубами, перекатилась с постели на пол, встала на четвереньки и поползла. Ее туника развевалась на сквозняке. Вассалы всегда спали в дневной одежде, которая у всех была почти одинаковой – полотняные штаны и, для девушек, мешковатые туники с наглухо закрытым воротником и открытой спиной. Сэндис чувствовала, как ветерок ласкает золотую стигму у нее на позвоночнике.

Кровать Хита оказалась пуста.

Сэндис замерла, беспокойно облизала губы.

Вполне возможно, Хит вместе с Кайзенем. Хотя обычно Сэндис просыпалась, когда Кайзен и этот его мерзкий кореш-коротышка Голт входили в спальню, чтобы призвать одного или нескольких из них.

В голове ее раздалось слова обмирающего от страха Хита.

«Я – следующий. Он меня ненавидит. Он хочет вызвать нечто...»

Сэндис, все так же на карачках, метнулась к своей постели и застыла, сидя на пятках и не сводя глаз с двери.

Вассалам запрещалось покидать по ночам спальню даже для того, чтобы сходить в туалет: для этого в углу находилось ведро.

Снова раздался крик – приглушенный и отдаленный, но Сэндис взвилась будто пружина.

«Ты его любимица».

Ну а раз так, то она легко отделается, если вдруг попадется. Тяжелая дверь застонала, возвещая миру о ее своевольстве, и Сэндис, распахнув ее, выскользнула прочь.

Коридоры были пусты. Обычно они всегда бывали пусты, даже днем. Оккультики, когда не требовалось поучить уму-разуму зарвавшихся соперников, держались обособленно и носа не казали из своих нор. Но Сэндис и без них знала, где отыскать Кайзена, с головой ушедшего в очередные эксперименты. Здесь. Рукой подать.

Коридор был низкий и тесный (двум мужчинам не разминуться, не столкнувшись плечами) и чуть-чуть изгибался, как серп. Из-под двух дверей – той, что слева, и той, что в самом конце, – струился ласковый свет.

Сэндис вжалась в стену, шарахаясь от света, льющегося из-под первой двери кабинета Кайзена. За дверью слышался голос Зелны, что-то бубнившей себе под нос. Сэндис помедлила, затем быстро шмыгнула мимо и на цыпочках – благо на ногах мягкие туфли – затрусила к дальней двери, той, где творились обряды.

Голову сдавило железным обручем. «*Ипет?*» Но, само собой, нумен не мог ей ответить. Еще ни разу конь-огонь не обратился к ней напрямую.

Прикоснувшись к шишковатой ручке, она тихонько потянула на себя дверь и заглянула в приоткрывшуюся махонькую щелочку. Обрядовая комната была самой вместительной в логове Кайзена и больше походила на товарный склад. Сначала она заметила Голта. Словно верный пес, тот бегал туда-сюда, таская своему хозяину все, что бы тот ни попросил. Наверное, потому дверь и осталась незапертой. Если бы Голт, коренастый крепыш лет под сорок, не курил до посинения мозгодуры, Сэндис сочла бы его привлекательным. С другой стороны, как может быть привлекателен грубый и дрянной человечешко с душой черной, как непроглядная ночь?

– Готов, – тихо и спокойно сказал Кайзен, но для Сэндис его слова прозвучали, словно грозовые раскаты.

Задрожав всем телом, она отняла руку от дверной ручки, чтобы в любое мгновение дать деру. Или придумать отговорку. Она была вышколенным и послушным вассалом, ее отговорке вполне могли бы поверить. Могли бы. Например, если бы она прикинулась, что услышала во сне призывающего ее Кайзена...

Ухо Сэндис уловило цоканье копыт, и она снова прильнула к щелке. Голта нигде не было видно, и вдруг он появился, ведя на поводу крепкую сильную лошадь. Кобыла, догадалась Сэндис, хотя мало что смыслила в лошадях. А вот ее мама души в этих созданиях не чаяла. Голт и кобыла прошли мимо и исчезли с глаз Сэндис.

Сэндис закусила губу. Неужели они убьют несчастное животное? Когда Дух входил в тело непосвященного вассала, без жертвоприношения не обходилось. Но раньше Кайзен довольствовался мелкими зверушками. Никогда прежде он не умерщвлял лошадь. Сэндис хотела уже заткнуть уши, но подумала, что может прослушать, когда кто-нибудь подойдет к двери, и тогда... тогда ей не улизнуть.

Лошадь лишь тихонько всхрапнула, когда ей перерезали горло, и Сэндис вознесла хвалу Целестиалу. Бедное животное рухнуло на пол. Пол загудел.

Дрогнуло пламя свечи. Сэндис осмелела, носком туфли пошире приоткрыла дверь. И чуть не захлебнулась криком.

На коленях, в расплывшейся луже багряной крови возле павшей кобылы стоял Хит. То ли его опоили, то ли он махнул на все рукой, но выглядел он ужасно. На нем лица не было. Кайзен начертил носконские письма на его руках и ногах. Сэндис не могла их разобрать, но тотчас смекнула, что это не обычные письмена заурядного обряда.

И снова ее голову стянуло железным обручем. Прижавшись щекой к дверному косяку, она вытянула шею, чтобы ничего не пропустить.

Стоя по щиколотки в крови, Кайзен возложил ладонь на голову Хита. Затем отступил и нараспев, монотонно затянул знакомые до боли слова, вонзавшиеся в сердце Сэндис острыми кинжалами.

– *Вре эн несту а карнат, // Йи мем энтре ай амар. // Вре эн несту а карнат, // Колосос, эпси граденид!*

Сэндис беззвучно шевелила губами, пробуя на вкус неведомое ей ранее имя «Колосос», как вдруг кроваво-красная вспышка света на миг ослепила ее.

Она отшатнулась, взмахнула рукой, утирая покотившиеся градом соленые слезы, и яростно заморгала, ничего не видя вокруг. «Но почему, *почему вспышка красная*, – билась в ее голове отчаянная мысль, – *она же всегда белая!*»

И вдруг комната наполнилась звуками, которые не могли ей привидеться и в самом кошмарном сне. Хлюпали и чавкали по грязи промокшие башмаки, рвалась в клочья кожа. Булькала в горле вода, хрипел раскрытый рот, тщетно моля о глотке воздуха. Хрустел под подошвой раздавленный жук.

Перед глазами у Сэндис поплыли круги. Навалившись на дверь, она еле-еле сдерживала позывы к рвоте. В нос ударил невыносимый запах сырого мяса.

Кровавая лужа превратилась в озеро, а в нем...

К горлу Сэндис подкатила тошнота. Испугавшись, что ее вот-вот вырвет, она отскочила от двери и на цыпочках бросилась бежать. Ее мутило. Она кусала язык и судорожно глотала воздух, лишь бы удержать в желудке рвущуюся наружу полупереваренную пищу.

Кровь. Сырое *мясо*. Хит.

То, что когда-то было Хитом.

Она застыла у двери в спальню, прижавшись взмокшим от пота лбом к прохладной стене. Дышала она тяжело, с присвистом, нисколько не заботясь о том, что ее могут услышать, и бессмысленным взглядом таращилась в пустоту. Ее снедал ужас.

«Хит».

Вассалы гибли и прежде. Порой на ее глазах. Бывало, вассала подводило здоровье, и его сердце не выдерживало обряда, а бывало, жрец-заклинатель пытался вселить слишком могучего Духа в тело слишком хилого вассала и терпел крах. И тогда вспыхивал свет, и мертвое тело тряпичной куклой валилось на пол. Иногда изо рта, носа и глаз текла кровь. Такое бывало...

«Но Хит... Хита вывернуло *наизнанку*, словно перчатку!»

С тех пор как она очутилась в логове Кайзена, она повидала много зла и заглянула в самое сердце тьмы. Но такого... *Такого* она еще не видела. Что задумал Кайзен? Зачем он призывает Демона?

Сэндис жадно глотала воздух. Ей было гадко и дурно. Кровь бурлила, голова раскалывалась на части. Ирет ли звал ее или то метались, как звери в клетке, ее собственные страхи?

«*Колосос*, – прошептала Сэндис, растягивая гласные, – *Колосос*». Так звали Демона, которого Кайзен вознамерился вселить в тело Хита. Хита, который спокойно принимал в себя могучих Духов седьмой ступени. Так же, как Сэндис.

А ведь на его месте могла оказаться она.

Мир Сэндис перевернулся в одно мгновение. Озарение потрясло ее, словно удар молнии: пора делать ноги. *Сейчас* – или никогда. Промедление смерти подобно: она либо растеряет последние остатки мужества, либо потерпит неудачу. Но бежать надо одной – в неизвестность, где нет крыши над головой, без денег и каких-либо надежд...

Станный звук эхом отразился от коридорных стен. Не оборачиваясь, Сэндис проскользнула в спасительную темноту спальни комнаты. Прислушалась, затаив дыхание, не проснулись ли ее друзья по несчастью. Все спали.

«*Но может...* – всколыхнулась в ней надежда. – *Может, ты не так одинока, как думаешь*».

Талбур Гвенвиг. Она же видела его имя в банковской книге. Человеку с такой фамилией ничего другого *не остается*, как только быть ее родственником. Но примет ли он ее? Она из кожи вон вылезет, лишь бы принял, – умолчит о том, в кого превратилась, падет перед ним на колени, станет выполнять все его распоряжения...

Сэндис впиалась зубами в костяшки пальцев: запах растерзанной плоти Хита стоял у нее в носу и побуждал бежать без оглядки.

В коридоре послышалась какая-то возня. «*Беги. Сейчас или никогда*». Она удерет налегке. Никакой сменной одежды, никакой еды, никакого оружия. Иначе приспешники Кайзена вмиг смекнут, что у нее на уме. Но надо предупредить остальных! Если она оставит вассалов в неведении, ее загрызет совесть. С другой стороны, они могут ей не поверить. Или она упустит время, пытаясь их добудить. Да и кроме того, не могут же они убежать *все* разом! Тут такой переполох подымется. Нет. Придется бросить здесь все, даже своих товарищей.

Сэндис кинула прощальный взгляд на холмики одеял на кроватях. Сердце ее разрывалось. Она должна рассказать им! Они ведь никому не проболтаются, верно? Или среди них найдется предатель, который выдаст ее, и ее схватят прежде, чем она успеет сделать хоть шаг, или Кайзен силой выбьет из них правду... или просто прибьет их сгоряча.

«*Нет-нет*», – покачала она головой. Кайзен и пальцем их не тронет, пока Сэндис в бегах. Ни один волос не упадет с их головы, пока он не изловит Сэндис и не заставит ее смотреть, как по ее вине истязают товарищей.

Она задержалась взглядом на Элис. Белоснежные волосы девочки, казалось, сияли во тьме. Сэндис всему научила ее – всему, что знала сама. Элис не пропадет. Кайли позаботится о ней так же, как когда-то позаботилась о Сэндис. Сердце девушки заныло. «*Беги. Не мешкай*».

Может статься, она никогда больше их не увидит.

Зато у нее есть *семья*. Семья, живущая в этом городе. Сэндис не в силах помешать экспериментам Кайзена. Ее смирение не защитило Хита. Ее спасение – только в ее руках.

Стиснув зубы так, что чуть не сломала челюсть, Сэндис развернулась и прокралась в коридор. С каждым шагом она все больше удалялась от спальни и друзей-вассалов, безжалостно разрывая узы товарищества и братства, некогда связавшие их. Узы, скрепленные незаметным пожатием рук под столом, в темноте, когда Кайзен и его холуи не маячили поблизости. Узы, которые теперь трещали по швам – «*хруп, хруп, хруп*».

Она прошла мимо кабинета Кайзена – спокойно, хладнокровно и уверенно. «Выше голову. Прикинься, что идешь по делу. Представь, что рядом, положив на твое плечо руку, шествует Кайзен, великодушно разрешая тебе выйти за пределы узилища». Не останавливаясь, тихо и неприметно, держась тени, она шагала по коридору. «*Хруп. Хруп*». Стапс, еще один оккультист, привалившись массивной тушей к стене, лениво ковырял под ногтями. Его длинные волосы, перехваченные тесьмой, разметались по плечам. Сэндис даже не посмотрела на него. Прошла мимо с высоко поднятой головой, чувствуя его настороженный взгляд. Но Сэндис – идеальный вассал. Любимица Кайзена. И Стапс не осмелился остановить ее. Еще чего не хватало – совать голову в пасть льва-Кайзена. А вдруг он осерчает? «*Хруп*».

«*Простите меня*».

Она молилась за каждого встречного (по крайней мере, за тех, кого знала по имени). «*Простите*. Вы и ведать не ведаете, что вскоре на вас обрушится гнев Кайзена».

Теперь на лестницу, вверх. Открыть дверь. Пройти мимо группки играющих в карты стражников, мимо двух продажных девок, укрывшихся в нише, чтобы пересчитать деньги. Одна из них окликнула Сэндис, но товарка быстро схватила ее за руку и угрожающе зашипела. Их ошеломленные взгляды жгли спину Сэндис. Надо бы спрятать стигму прежде, чем покинуть логово. Если кто заподозрит, что она, пусть и невольно, принимала участие в ведовских обрядах, ее вздернут на виселице.

И хоть грех ее, золотом выгравированный на спине умелой рукой, был велик и ужасен, Целестиал сжалился над ней и распахнул двери к свободе, оставив лежать на полу возле прачечной чью-то позабытую куртку. По заплатам на локтях Сэндис определила ее владельца – Рависа, долговязого лакея Кайзена. Куртка была велика, но отлично скрывала то, что Сэндис так хотелось скрыть.

Громила-мордоворот, несущий стражу у входной двери, преградил ей путь. «Как же его имя? Марек?»

– Где Кайзен? – рыкнул он, косясь на куртку.

Сэндис, стараясь ничем не выдать глодавшего ее страха, вперила взгляд прямо в глаза мордоворота и прохрипела самое страшное, что только пришло на ум:

– Ирет грядет.

Если бы Марек хоть немного соображал в колдовстве, он бы понял, какую чушь порет Сэндис. Но его занимали не за смекалку, а за тяжелые кулаки. Глаза его выкатились из орбит. Он затрясся от ужаса, отшатнулся от Сэндис, словно от ядовитой змеи, и вжался в стену. А затем, ежесекундно оглядываясь, отворил дверь.

В лицо Сэндис ударил холодный, пропахший дымом ночной воздух Дрезберга.

4

Ночь шла на убыль, а вместе с ней убывала и прыть Рона. Ему нравилось все делать быстро и ловко – комар носа не подточит. Завернув тиару в неопишное рванье, он оставил ее в заранее обговоренном месте, где его уже ждала награда. Миг – и увесистая пачка банкнот перекочевала в карман его куртки. Не в тот, где лежал амаринт. Хмурое солнце неохотно вставало над горизонтом, почти неразличимым за покрытыми сажеей и копотью стенами Дрезберга. Дом, милый дом манил и взывал, но, прежде чем вернуться в него, Рон решил заскочить в гости.

Мама наверняка уже проснулась; можно было и постучать, но Рон на всякий случай открыл дверь ее квартиры своим ключом.

Квартира была миленькой, хоть и простенькой, раза в два больше его собственной. По правую руку располагались жилые комнаты, а кухня с крошечной гостиной – потому что ни одна миленькая квартирка немислима без *гостиной* – были по левую руку. Прямо у входной двери стоял небольшой книжный шкаф, пестревший иноязычными названиями корешков книг, купленных по баснословной цене. Затем, завиваясь полукругом, шли мамина комната, туалет и кладовка.

Оповещающая о своем приходе, Рон с треском захлопнул дверь.

– Это ты, Рон? – слышался нежный, но строгий голос. – Надеюсь, что ты, а не коммивояжер-прилипала! Тот как начнет втюхивать свой товар – спасу нет!

– А если я начну втюхивать деньги? – рассмеялся Рон.

– Не мели вздор, Рон. Ты хоть сам понимаешь, какую околесицу несешь? Подожди минутку. Я одеваюсь.

Рон поддел ногой стул, стоявший возле обеденного стола, придвинул его к себе и с наслаждением плюхнулся на сиденье. Откинул на спинку голову, смежил веки. Дрема сковала его, серой дымкой затянув глаза. Может, не торопиться домой, а прикорнуть тут на кушетке? Денег на извозчика жалко, а по крышам он уже напрыгался на сегодня.

Через мгновение, причесывая волосы, из комнаты появилась мама. На ней были яркий, но дешевый хлопковый жакет и юбка.

– Собираешься на работу? – спросил Рон.

Три смены в неделю его мама работала на административную контору при Иннеркорде, где клевреты государственной власти трудились до седьмого пота над уложениями и актами. Мама Рона заполняла документы.

– Да. Так что я не нуждаюсь в твоей благотворительности.

– Какая жалость! – Рон запустил руку в карман, вытащил половину спрятанных там банкнот и залихватски швырнул на стол.

– Рон, я серьезно! – Мать положила расческу на столешницу и уперла руки в бока.

– Как знаешь. Но если ты их не возьмешь, мне придется набить ими карманы домовладельца.

– Мне и половины хватит, – фыркнула Адалия Комф, задорно потряхнув головой.

– Это и есть половина.

– Тогда располовинь заново. Зачем, спрашивается, я потратила столько денег на частное образование, если ты даже делить не умеешь!

Весело хрюкнув, Рон смахнул сверху пару банкнот, смял их и поспешно запихал в карман. Вскинул руки и проворно зашевелил пальцами, словно фокусник, показывающий, что фокусов в его репертуаре больше не осталось.

Мать склонилась над столом и забрала деньги.

– Ну и запашок от тебя, – недовольно сморщилась она.

Рон ухватился за воротничок, притянул его к носу, понюхал.

– Прости.

Адалия нахмурилась и села на стул рядом с ним. По-видимому, запашок был вполне терпимый.

– Не хочешь объяснить, с чего вдруг ты снова взялся шляться по канализации? – Темные глаза матери буравили его, словно стилеты.

– Работа такая?.. – пожал он плечами.

– М-да. И что же ты всю ночь делал, скажи на милость? Только не вешай мне лапшу на уши, что поднялся ни свет ни заря, лишь бы сделать мне приятный сюрприз и забежать на огонек.

– Сюрприз! – завопил Рон, дурашливо ухмыляясь и раскидывая руки.

– Горе ты мое луковое, – покачала головой мать.

– Да ладно, мам, все у меня тип-топ.

– Пока да. Спасибо, что не забываешь обо мне, но прошу тебя, держи ухо востро. Смотри, во что ввязываешься. Этот город – средоточие тьмы. А тьме только дай прибрать к рукам такого чудесного мальчугана, как ты.

Рон подавился смехом. Как ни крути, а для матери он до сих пор был лучшим сыном на свете.

– Ой, – дернулся он, когда Адалия ущипнула его повыше локтя. – Да у меня отличная работа. Ничего из ряда вон выходящего, ничего опасного.

Что ж, последнее дельце именно таким и оказалось, тут он не врал.

– И поэтому из тебя о работе и слова не вытянешь? – Мать покачала головой. – Посмотрел бы на тебя твой отец!

– Да какой он мне отец! – вмиг ощерился Рон. Радость его как рукой сняло.

– Родной, Рон! – Адалия подняла руки, пресекая все его возражения. – Прости. Зря я снова затеяла этот разговор. Но семья – это навсегда. Помни об этом.

Рон шумно втянул в себя воздух и медленно выдохнул, выпуская заодно и всколыхнувшуюся в нем ярость.

– Да я помню, помню.

Он поднялся, склонился над матерью и поцеловал ее в лоб.

– Уф... – Адалия помахала ладонью у себя перед носом. – А ну-ка шуруй в ванную. Иначе я тебя из дома не выпущу. От тебя несет, как от сточной канавы.

– Как и от любого истинного жителя этого города, – широко ухмыльнулся Рон.

###

На улицах Дрезберга Сэндис пыталась слиться с безликой толпой и любым способом укрыться от любопытных глаз. Кайзен частенько выводил ее в город, но выбраться наверх одной, да еще *днем* – такое ей даже не снилось. Что ж, мечты иногда сбываются. Внезапно Сэндис затопила тоска. Тоска – и страх.

Кайзен наверняка уже обнаружил, что она сбежала. Надо срочно найти убежище. Времени в обрез.

За эти четыре года Дрезберг почти не изменился, и все же Сэндис ежеминутно вертела головой, изучающе всматривалась в лица. Дома ее не интересовали. А вот повстречаться со знакомыми она бы не согласилась ни за какие коврижки. Знакомые лица – это оккультики. Оккультики, которые ее выследили.

Поглубже натянув капюшон украденной куртки, Сэндис замерла под карнизом, пропускающая фургон фермера, который нахлестывал кнутом коня и орал на прохожих, чтобы те расступились. Прохожие огрызались, кто-то даже запустил в спину фермера обломком булыжника.

Камень просвистел мимо. Сэндис глубоко вздохнула и посмотрела вверх, соображая, куда идти дальше. Она смутно помнила банк, в который меньше двух дней тому назад привел ее Кайзен. Но от этого банка зависела ее жизнь.

В последний раз скользнув встревоженным взглядом по улочке и лицам, Сэндис стремглав перебежала дорогу. Грубые булыжники терзали ее ноги, обутые в легкие туфли. Какая-то старуха перехватила взгляд Сэндис, и девушка поспешно опустила глаза. Сюда. Да, она помнит этот магазин, здесь продаются замки. Поняв, где находится, Сэндис приободрилась. Теперь ей все по плечу.

Вытерев липкие ладони о штаны, она обогнула жилой массив, снова перешла улицу и решила пройти напрямик, срезав через проулок. И зря. Проулок упирался в недавно построенный на свободном пространстве дом, перегородивший собой все вокруг. Сэндис вернулась. Округ Два, восточная граница города, где располагался банк, был немного знаком ей. Она не заблудится. Держась поближе к витринам и продираясь сквозь толпу спешащих на смену людей, она вскарабкалась на холм. В Дрезберге все гнули спины на фабриках. Пока Сэндис не угодила в логово Кайзена, они с Аноном тоже работали на одной. Бедняки горбатились у конвейеров, средний класс понукал бедняками, богатеи же понукали всеми вокруг.

Горчичного цвета солнце, замаранное дымом, выглянуло из-за туч и засияло необыкновенно горячо и ярко. Сэндис смотрела на него до рези в глазах, пока не потекли слезы. Она так редко видела солнце. Она так страстно его любила. Жизнь могла катиться под откос, но стоило появиться на небе солнцу, как рассеивался зловонный городской дым и улетучивались страхи.

Что-то сверкнуло вдали. Сэндис протерла глаза и над высоченной, окружившей город стеной заметила сияющую бронзой верхушку шпиля. Лилейная башня, догадалась она, обитель Ангелика, главы целезиан. Единственное сооружение в городе, бросающее вызов длиннющей Деграте, правительственной башне в центре Иннеркорда, в которой заседали слуги народа. По слухам, Деграте полагалось быть самой высокой башней страны. Возможно, чтобы не возбуждать нездоровые толки, Лилейную башню и вынесли за городскую стену. Элис говорила, что любой человек, даже тот, за головой которого охотятся «алые», может попросить убежища в Лилейной башне – и его просьба не останется без ответа. Таким правом наделил Ангелика сам Небесный Создатель Целестиал, и даже триумвират не дерзал воспротивиться этому. Но приютят ли в башне ее, Сэндис? И если откроется, что она – вассал, как с нею поступят? Изобьют до смерти или просто вышвырнут за порог?

Колокол на башенных часах зазвонил благовест, и Сэндис заторопилась. Погода стояла теплая, но Сэндис поплотнее укуталась в куртку и спешно, насколько позволяла толпа, ринулась вперед. Через час она уже стояла перед дверью банка. Помассировав гудевшие ноги, Сэндис вошла внутрь.

Первым делом она внимательно оглядела людей, толпившихся в холле. Она не знала, что Кайзен сотворил с теми банкирами две ночи тому назад... По правде говоря, она ничего и не желала знать... Главное, чтобы их здесь не было. Главное, чтобы ее никто не узнал.

Ни одного знакомого лица. Откинув капюшон, она пригладила волосы и направилась к кассиру. «Держи спину прямо и выпяти подбородок», – наставляла она себя в подражание Кайзену, за которым, словно аромат крепчайших благовоний, всегда тянулся шлейф властной решимости.

– Простите за беспокойство, – обратилась она к сидевшей за стойкой холеной женщине.

Женщина выглядела уставшей. Возможно, и Сэндис выглядела не лучше, ведь она не спала всю ночь.

– На прошлой неделе я обменивала золото и теперь обнаружила, что записи в моих финансовых отчетах не совпадают с банковским чеком.

Всю долгую ночь и все утро Сэндис сочиняла правдоподобную историю и практиковалась в произнесении заумных банковских терминов, позаимствованных ею из лексикона Кайзена, в надежде сойти за человека, который только и делает, что обменивает золото.

– Могу я взглянуть на учетную книгу?

Женщина за стойкой оценивающе посмотрела на Сэндис. Сэндис, пытаясь угадать ее мысли, посмотрела на нее.

– Назовите имя держателя счета.

– Талбур Гвенвиг.

Неужели она действительно произнесла его имя вслух? Сэндис покрылась холодным потом. Кассир не сводила с нее выжидающих глаз.

– Это мой дядя, – пояснила Сэндис.

Вероятнее всего, так оно и есть, хотя родители утверждали, что родственников у них не осталось. Сердце Сэндис так и забухало в груди.

– Минуточку.

Кассир поднялась, открыла дверь, расположенную у нее за спиной, и исчезла.

Сэндис облизала пересохшие губы. Услышав, как открылась парадная дверь, она быстро оглянулась и радостно выдохнула – незнакомец. По спине ее побежали холодные мурашки. Сэндис расправила плечи и уставилась прямо перед собой. Побарабанила ногой по серому плиточному полу, спохватилась и тут же перестала. Сплела пальцы рук. Снова посмотрела через плечо. В полутьме в углу заметила лестницу, по которой они с Кайзеном недавно поднимались, чтобы встретиться с банкирами. Какая-то часть ее хотела, чтобы Ирет поделился с ней воспоминаниями о... Нет, лучше ни о чем не знать. Она и так повидала достаточно. Она и так о многом догадывается...

«Немедленно прекрати думать об этом!»

Женщина вернулась, неся с собой ту самую приходно-расходную книгу, в которой Сэндис увидела потрясшее ее имя. Ей захотелось перемахнуть через стойку, вырвать отчет из рук женщины, пролистать страницы, найти имя... Но она лишь крепче сжала кулаки и равнодушно – насколько смогла – поглядела на кассира. «Любая информация, – молила она, – *совершенно любая*, лишь бы разыскать...»

– Здесь нет никаких сведений, что Талбур Гвенвиг производил обменные операции. – Женщина задумчиво переворачивала страницы. – Вы говорите, на прошлой неделе?

– Д-да, – пролепетала помертвевшая Сэндис. – На прошлой неделе.

Она же *видела* его имя! Талбур Гвенвиг. Никаких сомнений: это имя отпечаталось в ее памяти, как клеймо на ее спине.

– Я... Погодите... – Кассир покачала головой. – Хм-м...

Сэндис схватилась за край стойки и перегнулась через нее.

– Что? Что там?

– Здесь вырвана страница. – Женщина опустила журнал и провела пальцем по крохотному, незаметному с первого взгляда бумажному бугорку в нижней части корешка. Единственным напоминанию, что когда-то здесь была целая страница.

Потеряв счет времени, Сэндис тупо смотрела на бугорок. «Вырвана? Не может быть! Ведь еще две ночи назад она была здесь...»

Сэндис похолодела. «Ведь не *Кайзен* же ее вырвал, верно? Зачем она Кайзену?» Ведь Сэндис незаметно посматривала на нее. К тому же Кайзен уверен, что она не умеет читать... Или нет?

«Глупости, – увещевала она себя, – у тебя просто ум за разум заходит. Кайзен явился сюда по своим делам. Его интересовали счета, а не обмен золота».

Но с Кайзеном ум всегда заходил за разум. С Кайзеном всегда приходилось держать ухо востро.

Кассир принялась выдвигать полные ящики и просматривать папки одну за другой. Одну даже просмотрела дважды.

– Я не нахожу счета, открытого на фамилию «Гвенвиг», – прищелкнула она языком. – Позвольте мне пообщаться со старшим кассиром.

Женщина поднялась и вновь исчезла за дверью.

Сэндис схватила книгу, развернула ее и быстро пробежала глазами по страницам, ища свою фамилию. Но ее нигде не было. Сэндис погладила бугорок. Ничего.

Неужели Кайзен предугадал, что она придет сюда в поисках Талбура Гвенвига?

От ужаса у Сэндис подкосились ноги, кровь жарким потоком прихлынула к сердцу. Уронив книгу, словно обжегшись, она отшатнулась от стойки. Круто развернулась и огляделась. Померещилось, что ледяные пальцы Кайзена сомкнулись на ее шее. Сэндис подпрыгнула.

Пора делать ноги.

Она выбежала из банка и ринулась в город. Ей надо найти его, ее повелителя. Но вместо повелителя она нашла полицейского в темно-алой форме.

Вид стража порядка отрезвил ее. Неужто она позабыла, что *ведовство*, как называли оккультные практики целезиане, вне закона. Вне закона даже она, невинная жертва, которую принудили стать тем, кем она стала.

Сэндис живо набросила на голову капюшон, отвернулась и спешно направилась в противоположную от полицейского сторону. Слепо ткнулась носом в какого-то прохожего, но, даже не извинившись, поспешила прочь. Куда ей идти? Где найти информацию о Талбуре Гвенвиге?

«А вдруг его вообще не существует?»

«Нет. Не смей о таком даже думать! Твои глаза тебе не соврали, и Талбур Гвенвиг, твой неизвестный родственник, существует. Иначе у кого еще искать тебе спасения? Куда идти?»

Обратной дороги нет, Сэндис это понимала. Если она вернется, наказание будет жесточайшим: и для нее, и для других одержимых.

Надежды нет. А она в ней так нуждалась.

«Может, библиотека? Что, если поискать про Талбура Гвенвига там? Конечно, если он не политик и не упоминался в газетах, то рыться в библиотеке – только время терять. Но чем черт не шутит?»

В животе глухо заурчало. Сэндис с размаху вдавила в него кулаком. Ничего не попишешь – придется раздобыть еды. Украсть. Ведь денег у нее нет. У нее вообще ничего нет. Она пошарила в карманах куртки, но нашла лишь узкий перочинный нож да угольный карандаш.

Сэндис огляделась и, выбрав менее оживленную улицу, пошла по ней. Но как умыкнуть еду? Отправиться на рынок и слямзить с прилавка яблоко? А если ее поймают, куда тогда деваться? На рынке такая толкотня, что особо не разбежишься. С другой стороны, в такой давке никто, наверное, и не заметит мелкого воровства... Или заметит? Схватят ее и увидят печать Духа. И «алые» уволочут ее в кутузку... или какой-нибудь шпион-оккультник донесет на нее... Да уж, попала она в переплет между виселицей и Кайзенем.

Тугой комок застрял у нее в горле, живот свело от голода. Тюремный каземат даже предпочтительнее Кайзена – в застенках глумятся только над телом. А вот Кайзен одними лишь физическими мучениями не довольствуется. Он *заодно* вынимает душу. Сэндис вспомнила, как три года назад Кайли чем-то разозлила Кайзена – Сэндис до сих пор не понимала, чем именно, – и жрец заставил Кайли смотреть на истязание Риста. Голт вливал ему в горло страшнейший яд, а затем вызывал у него рвоту; так он пытал Риста до тех пор, пока на губах у того не запузырилась горячая кровь. Сэндис ничего этого не видела, зато все видел Хит. А Кайли потом на месяц замкнулась в молчании.

Кайзен не ломал им костей, не уродовал хлыстом кожу. Любой шрам или перелом приходился не по нраву могущественным Духам – они могли отказаться входить в изувеченные тела. А иногда и сами искалеченные вассалы теряли способность принимать духов. Поэтому в

запасе у Кайзена было множество пыток, не оставлявших следов. И этими пытками он вовсе не брезговал. Голт частенько кидал на Сэндис и других девушек сальные взгляды, однако Кайзен не позволял ему даже дотронуться до них. Чистота и непорочность вменялись в обязанность каждому одержимому. Но если Кайзен выйдет из себя, возможно, он решится на крайности...

Сэндис тряхнула головой, посторонилась, пропуская мальчишку, тянущего на веревке тощую козу. *«Прекрати даже думать об этом!»*

«Библиотека. Надо проверить библиотеку. И поесть... Может, зайти в какой-нибудь трактир, заказать обед и улизнуть прежде, чем принесут счет? Или там требуют плату вперед?» Откуда ей знать – она никогда не ела ни в одном трактире. А, была не была. Если они попросят плату вперед, она спохватится, что забыла кошелек дома, и уйдет, не вызывая никаких подозрений.

Да, именно. Так она и поступит. А когда будет при деньгах, вернет трактирщику долг. Если сможет. Но сейчас ей просто необходимо поесть. Один-единственный раз! А потом она разыщет Талбура Гвенвига, объяснит ему все, и он, несомненно, примет в ней самое радужное участие. Она станет его служанкой... Будет работать на него бесплатно, даром. Лишь бы он приютил ее. Лишь бы защитил от Кайзена...

Сэндис зашла в таверну, и в нос ей ударил аромат жареного мяса. На вертеле над очагом крутилась туша козла. В памяти Сэндис мгновенно всплыло тело Хита. Ее замутило, и она прикусила губу. Аппетит пропал... Но ей требовались силы. Иначе она станет беспомощной и будет легкой добычей для тех, кто охотится на нее.

Сэндис зыркнула по сторонам. Почти никого. Неудивительно – еще только утро, а в тавернах обычно спускают деньги по вечерам. Вдоль двух стен тянулись деревянные кабинки, в центре стояли маленькие круглые столики с колодами карт и игральными костями. У дальней стены располагалась небольшая барная стойка, за которой возвышался брюхастый толстяк, с неодобрением созерцавший уставленную бокалами полку. Тоска в его глазах подсказала Сэндис, что он не в восторге от своей работы, а темные круги под глазами – что он так же, как и она, провел бессонную ночь. Закуток позади трактирщика вел в кухню, из которой и неслись запахи, напомнившие о Хите.

«Колосос».

Сэндис сглотнула. Сначала – пища. Раздумья – потом.

Она оглядела двух других посетителей. В одной из кабинок, уютно раскинувшись на диванчике, сидел парень лет двадцати пяти и пересчитывал деньги. На столике перед ним стояла громадная кружка. Самоуверенности ему было явно не занимать, раз он считал деньги у всех на виду, а вот ночка у него, судя по поникшим плечам, выдалась бурная. Через две кабинки от парня расположился пожилой господин с длинными усами. В одной руке он держал газету, в другой – жареную цыплячью ножку. Свирепость, с которой он вгрызался в цыпленка, и побелевшие костяшки пальцев, впившиеся в газету, подсказали Сэндис, что господин явно не в духе (а возможно, даже в ярости), и посоветовали держаться от него подальше. Однако Сэндис не могла отвести глаз от куриной ножки.

У нее потекли слюнки.

– Эй, красотка!

Сэндис подскочила на месте и вцепилась в отвороты куртки. Медленно обернулась. Молодой человек спрятал деньги и разглядывал ее с неподдельным интересом. С ним она точно не встречалась в своей *прошлой* жизни. Явно не оккультик и не браток из шайки. По крайней мере, не «шакал», не «стропаль» и не «туз»: те-то свои знаки отличия выставляли напоказ.

– Не скромничай, – дружелюбно улыбнулся он, чем несказанно ее удивил, – присаживайся.

Легким кивком головы он указал ей на скамью напротив. Сэндис не шелохнулась. Парень вздел руки и усмехнулся.

– Нет, ну если тебе требуется уединение, то я не настаиваю...

«Не заговаривай с ним, – взвыл ее внутренний голос, – не связывайся с ним!» Сэндис запаниковала и вдруг – то ли от безысходности, то ли от жажды тепла и участия – опрометью кинулась к скамье, уселась на нее и выдохнула:

– Прошу прощения.

Парень украдкой покосился на ее руку. Проверяет, нет ли на ней кольца? Ого. Сэндис нервно запустила руки в волосы, заправила пряди за уши. К *такому* вниманию она не привыкла. Плотоядные взгляды Голта, разумеется, не в счет.

– Не рановато для пирушки? – спросил он.

«Да он же шутит», – догадалась Сэндис. Если бы не веселые морщинки, разбежавшиеся по краям его глаз, Сэндис, может, и не сообразила бы этого и не нашлась, что ответить.

– Ну, ты же пируешь, – хмыкнула она, кивая на кружку.

Он лучезарно улыбнулся и чуть-чуть наклонил кружку, чтобы она увидела темную маслянистую жидкость.

– Сидр, мамой клянусь. А тебя-то каким ветром сюда занесло?

Сэндис замерла, дрожащими пальцами схватилась за пуговицу на куртке и завертела ее. Господи, ну куда же запропастилась обслуга? Они собираются кормить ее или нет?

– Пришла перекусить перед сменой, – вывернулась она.

– Где работаешь?

– На оружейной фабрике, – выпалила она не задумываясь, будто снова вернулась в четырнадцатилетнюю юность, в обычную жизнь.

«Нет, так не пойдет. Надо следить за своими словами».

– На которой из?

– На фабрике Хельдершмидта.

Поставив локти на стол, молодой человек оперся подбородком о скрещенные руки.

– Это же в Округе Четыре. Не далекоовато?

Сэндис заиндевела. Неужели он раскусил ее ложь? Да нет, не похоже. Он не сверлил ее подозрительным взглядом. Он смотрел на нее, как Рист смотрел на Кайли.

Он всерьез считает ее красоткой? Щеки Сэндис запылали.

– Э... Похоже, нам только тут повезло с жильем...

«Никаких „похоже“, – прикрикнула на себя Сэндис. – *Будь уверенней!*»

– Нам?

– Брату и мне, – подавилась она словами.

Брату, которого она столь безнадежно искала, когда попала на глаза работоторговцам. Брату, который к тому времени был уже мертв, хотя она об этом еще не знала. В мгновение ока жар на ее щеках сменился ледяным инеем.

Сэндис закашлялась. И тотчас, словно здесь было в порядке вещей подзывать обслугу кашлем, перед Сэндис выросла девчушка лет двенадцати и спросила, чего та желает. Сэндис от стыда чуть под землю не провалилась (она собиралась ограбить ребенка!), но что поделать – голод не тетка.

Сэндис заказала цыпленка и сидр. Девчушка резко дернула головой вверх-вниз и убежала.

А Сэндис залюбовалась на сидящего напротив парня. Ни дать ни взять, писанный красавчик: черные глаза и такие же черные, слегка выющиеся волосы. Щетина ему не к лицу, а вот воротничок – очень даже.

– Тебя как зовут? – спросил красавчик.

– Сэндис, – ляпнула она и тут же прикусила язык. Ну почему она не догадалась придумать себе другое имя?

– А меня – Рон.

– Мм?

– Рон. – Он ткнул себя пальцем в нос. – Меня зовут Рон. Теперь мы друзья и можем перестать бычиться.

Бычиться? Это она, что ли, бычиться? Неужели она до того засмотрелась, что забыла придать своему лицу соответствующее выражение? Сэндис снова закашлялась.

Рон придвинул к ней кружку с сидром.

Благодарно кивнув, Сэндис вцепилась в нее и прикоснулась губами к горячей жидкости. «Пей медленно!» – приказала она себе и пригубила пряный и сладкий напиток, приправленный корицей.

Рон заерзал на скамье, и его нога легонько коснулась лодыжки Сэндис. Да он же заигрывает с ней, поразила ее. И что ей теперь делать? Она не умела кокетничать. Кайзен никого не подпускал к своим вассалам, но и самих вассалов не подпускал друг к другу. Ристу и Кайли оставалось одно – обмениваться *взглядами*. И ничем больше.

– Значит, оружейная фабрика. С ума сойти.

Глаза Рона скользили по ее лицу.

Только неимоверным усилием воли Сэндис выдержала его пристальный взгляд. «*Он ни о чем не догадывается. Будь с ним... поласковее*». Сэндис выдавила из себя улыбку. По-видимому, она поступила верно, так как Рон улыбнулся в ответ и приблизился к ней, вытянувшись над столом.

– Ну, это все-таки лучше, чем фабрика хлопка, – сказала Сэндис.

– Почему? Хлопок такой... мягкий. – Его нога потерлась о ногу Сэндис.

Девушка покачала головой.

– Хлопковая пыль разлетается по всей фабрике. Работники дышат ею, она скапливается в их легких, и люди заболевают.

Ее отец как раз трудился на одной из таких фабрик. Дома, после смены, он сгибался пополам от надсадного кашля.

– Прости. – Рон поскреб ногтями шею.

– Да ты-то тут при чем? – пожала плечами Сэндис. – Тебе не за что извиняться.

– Ну, обычно так говорят, когда задевают собеседника за живое.

Сэндис повертела в руках опорожненную кружку.

– А ты... Ты тоже работаешь на фабрике?

– Не совсем, – ухмыльнулся он. – Я специализируюсь...

Дверь распахнулась и с грохотом ударилась о стену. Даже не оборачиваясь, Сэндис все поняла. Каким-то образом она уже обо всем знала.

Голову снова сдавило железным обручем. Сэндис оглянулась. Между притихшими кабинками размашисто шагал Голт и четверо головорезов, что были на побегушках у оккультистов: Марек, тот самый мордovorот-охранник, Равис, чью куртку она так удачно позаимствовала, и еще двое, чьи имена вылетели у нее из головы. Сердце ее неистово застучало, на глаза навернулись слезы. Она лихорадочно завертела головой – как бы сбежать? «Через окно? Кухню?»

– А ну, что вам тут надо?

Лысый трактирщик выбрался из-за стойки и, уперев руки в бока, преградил Голту путь.

Сэндис учащенно задышала. «Может, юркнуть под стол?» Неужели они заметили ее у банка и видели, как она входила сюда?

Рон накрыл ладонью ее запястье, и Сэндис чуть не взвилась в воздух.

– Что с тобой? – спросил он, сведя брови.

Слова застряли у Сэндис в горле, и она только покачала головой.

Рон перевел взгляд на оккультистов, отбросивших трактирщика в сторону.

– Они что, за тобой?

Сэндис кивнула.

Рон ухмыльнулся. «*Ухмыльнулся!*» Сэндис выдернула ладонь из-под его руки.

– Не переживай. – Он хрустнул пальцами. – С ними я разберусь. А с тобой мы сочтемся позже.

Он и правда покосился на ее губы? И подмигнул?

Сэндис растерялась: этот парень просто сбил ее с толку. Но тут Голт заметил ее и вытащил нож. Растерянность Сэндис сменилась полнейшим замешательством.

Руки Рона на миг нырнули под стол, и до Сэндис донеслось слабое жужжание. А потом Рон вскочил – и кинулся на пятерых громил.

«Это какой-то сон», – думала Сэндис, замерев на скамье.

Сердце ее бешено колотилось. Рон между тем подлетел к Голту, с легкостью уклонился от нацеленного на него ножа, схватил руку противника, резко дернул вверх и завел ему за голову. Нож выпал...

Один из безымянных прислужников Кайзена бросился на Рона, замахиваясь кулаком. Рон пригнулся и толкнул Голта на нападавшего...

Но *трое* оставшихся не дремали. Марек выхватил нож и всадил под ребро Рона. Сэндис зашлась в диком крике.

Но Рон только вздрогнул.

Всего лишь вздрогнул... развернулся и заехал Мареку кулаком в скулу. Громила отшатнулся и выдернул нож из тела Рона.

Кровь...

Но крови не было. Ни капли. Не было даже раны. Лишь дырка в рубашке.

Челюсть Сэндис чуть не упала на стол. «*Но... Как же так?*»

Оккультики были опытными бойцами, быстрыми и ловкими. Сэндис с трудом удавалось уследить за ними. Но Рон был быстрее. Он выкручивал руки. Разбивал локтями носы. Бил ногами в животы. Кто-то проткнул стилетом его воротничок, но все повторилось, как и прежде, – ни крови, ни раны. Марек рухнул на пол, за ним последовал Равис. Рон сражался с двумя безымянными оккультиками, когда слабое жужжание вновь привлекло внимание Сэндис.

С трудом оторвавшись от созерцания драки, она улеглась животом на скамью и заглянула под стол.

И распахнула от изумления глаза.

Там, вращаясь в воздухе, словно подвешенный за невидимую нить, тихо гудел золотой диск размером с ее ладонь. От жужжащего центра диска расходились, словно лучи звезды, петлеобразные, сделанные из чистого золота лопасти-кольца.

«*Амаринт*». Она видела рисунки похожих вещей у Кайзена. Кайзен в мельчайших подробностях рассказал ей про эти редчайшие артефакты эпохи носконов, дарующие своим обладателям бессмертие. Пусть и не особо продолжительное.

«Как там говорил Кайзен? Минута бессмертия в день?»

Сэндис не верила в эти рассказы и считала, что Кайзен просто водит ее за нос. Но вот он, амаринт, здесь, у нее перед глазами. И отрицать его существование невозможно. Пока эта золотая штуковина висит в воздухе, ножи оккультиков будут выходить из плоти Рона чистыми, не измазанными кровью. Сколько амаринт уже тут крутится? Тридцать секунд? Сорок?

Она боялась дотронуться до него, боялась прервать его верчение и случайно убить Рона.

Она приподнялась со скамьи, огляделась. Голт, раскорячившись на полу, вытирал залитый кровью рот.

Пока амаринт у Рона, оккультики ему не страшны.

А если она возьмет амаринт себе, оккультики станут не страшны *ей*...

Взгляд Сэндис метался между амарином, Роном и оккультистами. Драка подошла к концу, почти все оккультисты были повержены. Надо выбирать: или – или.

И снова озарение потрясло ее, словно удар молнии.

И когда последний оккультист пал, она схватила амаринт, стрелой пронеслась к двери и смешалась с толпой на улице раньше, чем Рон успел и глазом моргнуть.

5

«Закадри милашку, – честил он себя на чем свет стоит. – *Пусти ей пыль в глаза своей отвагой*».

«Доигрался: гоняйся теперь за ней по всему Дрезбергу в самый разгар дня, когда на улицах не продохнуть от народа. Несись, как ураган, ибо *у нее твой амаринт*».

«Дубина стоеросовая». Он врзался в толпу, сбил с ног двух ребятишек, державшихся за руки. Ничего, оклемаются. Что значат их содранные коленки по сравнению с амаринтом. Если он не вернет амаринт, прости-прощай прежняя жизнь.

Это *его* оберег, черт возьми. Его!

– Держи вора! – завопил он во всю глотку, и несколько человек обернулись на крик.

Улицы и переулки кишмя кишели мужчинами, женщинами и детьми. Обеденный перерыв на фабрике. Времени хуже, чтобы ввязаться в погоню, и не придумаешь. Те люди, что услышали его призыв, вертели головами, пытаясь распознать вора, но, так как они не знали, кого искать, от них не было никакой пользы. Рон мчался, как вихрь, едва касаясь земли.

Вот *именно* поэтому он и предпочитал крыши.

Он лихорадочно шарил взглядом по лицам, стараясь не упустить из виду девушку, которая выпила его сидр и стащила его бесценное сокровище. Он наступал на чьи-то ноги; в спину летели проклятия, но он ни на что не обращал внимания. Он смотрел на нее. Она же натянула капюшон и почти слилась с толпой. По счастью, ее довольно высокая фигурка выделялась среди низкорослых трудяг, но стоило какому-нибудь дюжему работяге закрыть ее широкой спиной, как сердце Рона камнем ухало вниз.

– Держи вора! – снова заорал он, не замечая горькой иронии своих слов.

Зарывчав, Рон скрестил руки, словно ограждая себя от нападков, прибавил скорости и буром ввинтился в людское море. Вылетев на улицу, где люди двигались не плечом к плечу, где между ними оставался хоть какой-то свободный зазор, он принялся локтями прокладывать себе дорогу. Его поносили на все лады. Одна женщина даже огрела сумкой. Плевать. Ему надо догнать Сэндис. Ему *надо* ее догнать.

«Да откуда в ней столько энергии?»

Кто-то возмущенно заверещал справа, и Рон повернул голову посмотреть, что случилось. А там, разбрасывая людей в стороны, проталкивались бугаи из таверны – коренастый крепыш, которому он разворотил челюсть (явно главарь), и кто-то еще.

«*Чудненько. Во что бы она там ни вляпалась, надеюсь, они ее схватят*». Он затряс головой, скрипнул зубами и рявкнул «Посторонись!» двум болтунам-ротозеям. «*А вот и нет. Надеюсь, они ее не схватят. Иначе они схватят и мой амаринт*».

Ну какой же он идиот! Тупица! Болван! Головой надо думать, головой, а не одним местом! «*Идиот, идиот, идиот!*»

Он прорвался через толпу на улицу, почти не запруженную людьми. Обеденный перерыв скоро закончится, и людской поток поредеет. Рон припустил изо всех сил. Еще чуть-чуть поднажать, и...

«*Только не это!*» Рон замер, как вкопанный. Покрутился на одном месте. Снова нырнул в толпу. Выскочил на улицу. Кинулся в один переулок, в другой. «*Нем! Нем! Нем! Нем! Нем!*»

Девчонка словно сквозь землю провалилась.

###

Сэндис летела сломя голову, пока легкие ее не разорвались и не подогнулись ноги. Кожа под курткой, которую она так и не осмелилась снять, зудела от пыли и липкого пота. Прихрамывая, она свернула в первый попавшийся проулочек, застроенный узкими домами. В покоем она когда-то жила сама. В нос ударил зловонный запах помойного ведра, переполненного кухонными отбросами, но Сэндис так вымоталась, что прислонилась к стене рядом с ним. С глаз долой – это главное... Смежив веки, она жадно глотала воздух, не удосужившись даже смахнуть прилипшие к вспотевшему лбу мокрые пряди волос. Ноги подкосились, и она тяжело опустилась на грязную, засыпанную щебнем и гравием дорогу. О булыжных мостовых в подобных кварталах могли только мечтать.

Желудок недовольно забурчал. Сэндис наклонилась и стащила с ноги замызганную туфлю. Тонкая подошва стерлась и грозила вот-вот отвалиться. Ноги ее были сбиты в кровь. На ступнях вздулись волдыри и мозоли. Она сняла вторую туфлю и вытянула ноющие ноги. Надо передохнуть, отдышаться.

И разжать пальцы, стиснувшие золотую побрякушку. Пальцы не разжимались. Она так долго и так сильно стискивала амаринт, что они онемели. Согнув ноги и отгородившись этой импровизированной стеной от всего мира, Сэндис массировала пальцы, пока они не обрели подвижность и амаринт не упал ей на колени.

Сэндис зачарованно глядела на тонкие петлевидные золотые кольца, на сияющий шар, свободно висящий в воздухе в самом центре амаринта. Если загнать его по цене золота, из которого он сделан, Сэндис безбедно проживет целый месяц, а то и больше. Однако на самом деле амаринту цены нет. Он бесценен. Пронюхай кто, что ей в руки попал столь уникальный артефакт, его отнимут у нее, не заплатив ни гроша. Именно так. Сэндис в этом нисколько не сомневалась.

Она повертела амаринт и так и сяк, пытаясь разобраться, как он работает. Взялась за один из золотых лепестков, покрутила. Амаринт тихонько зажужжал, петли-кольца закружились друг вокруг друга. Сэндис выпустила артефакт из рук. Он приземлился ей на живот и затих. Видимо, он исчерпал все свое волшебство, пока висел в воздухе в таверне. Да, точно, Кайзен упоминал об этом – одна минута один раз в день.

Подобрав амаринт, она поглубже засунула его во внутренний карман куртки. Ей надо продержаться и не попасться на глаза холуям Кайзена еще сутки. А затем, случись что, амаринт придет ей на помощь. Хотя... Какой в этом толк? Что она успеет совершить за минуту? Боец она никудышный. Куда ей до Рона.

Притулившись возле стены, Сэндис нахмурилась. Живот недовольно заворчал. А Рон был так мил. Помог ей. Если бы не он, она бы снова оказалась у Кайзена. И как она ему отплатила? Заграбастала его амаринт. Закрыв лицо руками, она тяжело и часто задышала. У нее не осталось сил плакать.

Какая же она дрянь. Но ей надо как-то защищаться, пока она ищет Талбура Гвенвига. Он богат, он обменивает золото. Когда она найдет его, он поможет ей отыскать Рона. Сэндис перед ним извинится и вернет амаринт. А если он потребует компенсацию, она устроится на фабрику и заплатит ему требуемую мзду. Если получится... Но сейчас амаринт нужен ей гораздо больше, чем Рону. Он такой сильный, так уверен в себе... Никаких сомнений, амаринт нужен ей гораздо больше.

Кто-то потрепал ее по плечу.

Сэндис вскочила, готовясь задать стрекача, но перед ней стоял всего лишь мальчик лет семи-восьми от роду, которому не мешало бы хорошенько помыться. Одежка его прохудилась, штаны порвались на коленях. Босые ноги, похоже, никогда не знали ботинок.

Мальчуган протянул ей краюху хлеба.

Сэндис вытаращила глаза. Изумленно посмотрела на хлеб, затем на мальчонку.

– Мама сказала, ты, видать, переживаешь не лучшие времена.

Мальчуган оглянулся на женщину лет сорока, которая стирала белье в корыте, вытащенном на крыльцо одного из узеньких домишек. Женщина ободряюще кивнула малышу, а может, и Сэндис, и мальчуган продолжил:

– Она сказала, с ней тоже такое было, и что нельзя бросать тех, кто очутился в беде.

Он снова протянул ей краюху. Сэндис приняла ее. Руки ее дрожали. На глаза навернулись слезы.

– Спасибо, – сдавленно прошептала она.

Мальчуган улыбнулся щербатым ртом и рысью вернулся к матери. Подождав, когда женщина вскинет на нее глаза, Сэндис поблагодарила ее кивком головы и впилась зубами в хлеб. Казалось, она в жизни не ела ничего восхитительнее. Да, он был черствый и сухой, и Сэндис пришлось немало потрудиться, чтобы перемолоть его засохшие корки, но она справилась, и краюха хлеба ухнула в ее желудок, как камень, сорвавшийся с крыши. Затем, собрав в кулак все свое мужество, она натянула туфли и заковыляла к женщине и мальчику.

Не проронив ни слова, она опустилась на колени, подцепила грязное белье, окунула его в корыто и принялась отстирывать пятна.

##

Ночь, благо позволяла погода, Сэндис провела на крохотном крылечке добросердечной семьи. Крыльцо было жестким и неудобным, но Сэндис так устала, что большую часть ночи проспала без задних ног. Ее приглашали в дом, но она не решилась зайти. Она знала, на что способны подручные Кайзена. Рыща по следу беглеца, они не щадили ни его родных, ни друзей. Беглецу негде было искать спасения, и часто... часто он сдавался сам.

Возможно, лучше дожидаться, когда Кайзен прекратит гоняться за ней, и только после этого отправляться на розыски Талбура Гвенвига. Чтобы оградить его от беды. Хотя, если он богат (а он, вероятнее всего, богат, раз обменивает золото), возможно, это *он* оградит *ее* от беды. О, милосердный Целестиал, да будет так.

По счастью – хотя *какое уж тут* счастье, – кроме Талбура Гвенвига, у Сэндис не было ни родственников, ни знакомых. Однако благоразумнее не вмешивать этих добрых людей – да и вообще каких угодно людей – в заваренную ею кашу. Так будет лучше и для них, и для нее. Так ее сложнее будет найти. Возможно, Кайзен никогда не *прекратит гоняться за ней*, но ведь и его мощна не бездонна, верно?

Вот на Элис он вряд ли стал бы тратить столько сил. Слишком уж незначительные Духи вселялись в ее тело. Другое дело Сэндис. Сэндис, по причинам ей неизвестным, принимала в себя очень могучих Духов. Похоже, ей по плечу даже Духи восьмого уровня. А если так, то она просто незаменима.

Из шести вассалов, еще вчера являвшихся собственностью Кайзена, только трое – она, Хит и Дар – вмещали в себя Духов седьмого уровня. Теперь у Кайзена остался лишь Дар. Хит погиб, не выдержав мощи Колососа, а Сэндис сбежала. Для Элис и Кайли пределом были Духи пятого уровня, для Риста – шестого. А что, если Кайзен скорее опустошит свою казну, чем позволит ей уйти от него? В таком случае она совершила непростительную глупость...

Так размышляла Сэндис, бредя по рассветному городу. Перезвон колоколов возвестил начало первой смены на фабрике. Она пересекла дымовое кольцо, где располагалось большинство фабрик, и, задыхаясь от кашля, направилась к библиотеке.

Конечно, лучше всего покинуть Колинград. Но вот вопрос – как? Путь до побережья не близок, и велика вероятность, что она просто умрет с голоду. А если и не умрет, то непременно

перебудоражит дозорных, пока будет искать потайные тропы. Воды Северного океана обжигающе холодны, и никто из контрабандистов не отважится переправить через него одержимого. Разумеется, можно украсть лодку, но Сэндис не знала, как с ней управляться. Южные горы вершинами упирались в небо, и все стежки-дорожки бдительно охранялись. По слухам, долетавшим до Сэндис, чтобы пересечь границу, человеку требовались не только дорогостоящие и совершенно невообразимые документы, но и очень тугой кошелек – подкупить приграничную стражу.

А что станет с Элис, Кайли, Ристом и Даром, покинь она Колинград? Разве может она их здесь бросить? С другой стороны, как ей их спасти? Ей бы саму себя спасти.

Триумвират вставал на дыбы, когда люди покидали страну. Кайзен вставал на дыбы, когда вассалы покидали его логово.

Вертя в руках амаринт, Сэндис подошла к библиотеке. Когда она открывается? Пустят ли ее внутрь? Одетая она вроде прилично, одежда выглядит чистой. Сэндис провела пятерней по голове, приглаживая волосы. До сего дня она заходила в библиотеку дважды... Еще жива была мать. Еще жив был отец, страстно желавший научить их с братом читать. Еще жив был Анон.

Господи, как же ей не хватало отца.

Библиотека оказалась закрыта, и Сэндис, натянув на глаза капюшон, немного пошныряла вокруг. Отыскав ведро с отбросами, она выудила из него наполовину обгрызенное яблоко и заставила себя это съесть, чтобы хоть немного подкрепиться. Затем прогулялась по библиотечным дорожкам, выискивая оброненные монетки. Однако все, что удалось найти, это пенни – самую мелкую монетку Дрезберга, не стоящую по сути своей ничего. И все же она припрятала монетку в карман и подумала об амаринте. Если ей станет совсем невмоготу, можно ли будет его продать? Какой смысл спастись от наемников Кайзена, если в результате она умрет с голоду?

Библиотека открылась, и Сэндис без помех вошла внутрь. Она не очень-то умела ладить с людьми – Кайзен не поощрял общения и в своих переговорах держал ее на вторых ролях, – но, отыскав глазами самого дружелюбного на вид библиотекаря, смело подошла к нему и спросила, где бы ей посмотреть каталог имен.

Окажись Талбур Гвенвиг писателем, отыскать его не составило бы никакого труда. Однако писателем он не был.

Терзаемая неуверенностью, Сэндис пролистала каталоги с именами писателей, политиков и известных деятелей – нигде фамилии Гвенвиг не обнаружила. Она принялась искать его в периодических изданиях, но быстро сообразила, насколько это бесполезно. Какое-то мгновение она испытывала непреодолимое искушение заглянуть в газету и прочитать о гибели отца, но передумала – к чему ворошить прошлое. Сейчас ей, как никогда, требовалась бодрость духа. И надежда.

Заприметив случайно на одном из лестничных пролетов каморку библиотекарей, Сэндис пробралась в нее и увидела оставленный на столе обед. Она намеревалась полакомиться только орешками, но – к своему стыду и одновременно удовольствию – не удержалась и смела все до последней крошки. Принеся извинения пустой тарелке, она спешно выбралась на улицу. Колокола прозвонили начало второй смены.

«Может, зайти в другой банк и разузнать про Талбура там? А вдруг Кайзен везде расставил соглядатаев? Что же делать? Время не ждет». Не успеет Сэндис оглянуться, как городская грязь вьется в ее одежду и кожу и превратит ее в жалкую попрошайку. А попрошаек не жалуют и в роскошные холлы библиотек и банков не допускают.

Ну и в историю Сэндис втравила себя! Одна отрада – амаринт вновь наполнился волшебной энергией, хотя сейчас она была Сэндис совсем ни к чему.

«Может, устроиться на работу?» Но работа свяжет ее по рукам и ногам. Пригвоздит к определенному месту. Если она найдет работу – если, конечно, найдет, – ее тоже найдут без труда.

Запах сырого мяса (плоти Хита) обжег ей ноздри. Она зябко поежилась, обхватила себя руками. Солнце клонилось к закату.

«Ирет, ты здесь? Подскажи, что мне делать!»

Однако нумен хранил молчание. Сэндис возвела очи горе, пытаясь мысленно проникнуть в эфирный мир. Бесполезно. Никакого ответа.

«Пора подумать о ночевке. Подыскать безопасное место».

Может, укрыться в престижном районе, квартале для богачей? Вряд ли оккультистам придет в голову искать ее там. Но что, если она попадется на глаза какому-нибудь местному доброхоту? Он вмиг донесет на нее «алым», а полиция – это верная смерть. Позолоченную стигму на спине ей никак не спрятать. А значит, ее упекут в каталажку и приговорят к повешению. Это уж как пить дать. Сэндис передернуло.

«Где же ты, Талбур Гвенвиг? Кто же ты?» Наверняка он живет в одном из фешенебельных районов. Может, если поспрашивать, кто-нибудь и укажет на его дом? Маловероятно, но Сэндис цеплялась за эту слабую надежду, как утопающий за соломинку, с каждым шагом все больше уверяя себя, что так оно и будет.

Резко развернувшись, она чуть не бегом бросилась на север, к стене. Все состоятельные жители предпочитали селиться возле стены, как можно дальше от дымового кольца. Ей надо успеть до заката. Разузнать про Талбура раньше, чем ее одежда превратится в лохмотья, а она – в бездомную побродяжку.

Она миновала еще одну часовую башню, фабрику, где изготавливали железнодорожные рельсы, магазин тканей. Возле рынка торговец настойчиво попытался всучить ей корзинку фруктов. Сэндис приободрилась – похоже, она еще не потеряла приличный вид. Вид, приличествующий покупательнице фруктов. Глотая слюнки, Сэндис поспешила дальше.

Задела кого-то плечом, извинилась и замерла. Принюхалась. Какой знакомый, хоть и очень слабый, запах. Запах горячей дури. Голт постоянно ее курил. Как, впрочем, и большинство оккультистов.

Сэндис подняла глаза. Нет, это не Голт, но... Кровь застыла в жилах. *Ego* она тоже знала. Землистая кожа, темная одежда, перехваченные тесьмой волосы. Оккультист. Стапс. Прихвостень Кайзена. Тот, что не осмелился остановить ее, когда она покидала логово.

От запаха дури защипало глаза. Понеслась по венам жаркая кровь. Из горла Сэндис рванулся крик: Стапс заметил ее и расплылся в усмешке.

Сэндис развернулась, крутанувшись на пятке так, что чуть не вывихнула лодыжку, и быстрее ветра припустила назад – туда, откуда только что явилась. Стапс попытался ухватить ее своими ручищами, но лишь скользнул пальцами по ее локтю, чертыхнулся и погнался следом.

Несясь как угорелая, Сэндис со всего размаху вклинилась в ближайшее скопище людей, надеясь затеряться среди них, надеясь, что ее тщедушная фигурка проворно, словно ртуть, проскочит сквозь толпу, а массивный Стапс, как до него и Рон, неизбежно увязнет в людском потоке, будто муха в меду.

Позади раздался пронзительный свист. Сэндис похолодела. Это не полицейский. Этот свист она бы узнала из тысячи. И если б у нее не перехватило дыхание, она бы взвыла, как затравленный зверь.

«Стапс не один! Он здесь не один!»

«О, Целестиал, спаси меня и помилуй!»

Но Бог не внимает мольбам грешников.

Сэндис неслась во весь опор. Ноги, сбитые в кровь о булыжные мостовые, пылали огнем и подкашивались. В боку кололо. Под ребрами саднило. Подстегиваемая ужасом, она мчалась на всех парах.

Но преследователи нагоняли. За годы, проведенные в логове, она растеряла былую прыть – у Кайзена особо не разбегаешься. Оставалось одно – спрятаться.

Не оборачиваясь, Сэндис кидала по сторонам отчаянные взгляды. Люди, торговые палатки, помойные ведра, магазин тканей.

Она метнулась к магазину, завернула за него, ринулась к черному ходу. Заперто. Перебежала дорогу и, чуть не врезавшись в мирно стоящую лошадь, помчалась по следующей улице. Оккультики, грохоча сапогами, не отставали. «Сколько их там – двое, трое?» Солнце закатилось за городскую стену.

Сэндис устремила к часовой башне. Рванула дверь. Открыта. «Слава милосердному Целестиалу!» Ворвавшись внутрь, она очутилась в маленьком пустынном холле с уходящими ввысь лестничными пролетами.

Выбрав тот, что посередине, Сэндис спешно полезла наверх. Добравшись до первого лестничного проема, она услышала, как внизу с грохотом распахнулась дверь. Не останавливаясь, Сэндис полезла дальше. Легкие со свистом выдували воздух. Сэндис молила: «Дверь, дверь. Прошу тебя, дай мне дверь!» Четвертый этаж. Изнемогая, Сэндис схватилась за перила – быстрее, быстрее, быстрее. Они вот-вот настигнут ее. Она уже слышала их хриплое дыхание.

Пятый этаж и... *Дверь!* «Закрыта», – пронеслось в голове отчаявшейся Сэндис. Но шишковатая, истершаяся со временем ручка медленно поддалась под ее взмокшими от пота ладонями, и дверь открылась.

Прохладный, пропахший гарью ветер ударил в лицо.

Она очутилась прямо под циферблатом, на узенькой круговой площадке, мостике для часовых дел мастера.

В проеме двери замаячили Стапс и два оккультика. Сэндис кинулась вкруг площадки, ища еще одну дверь, еще одну лестницу. Но их не было. За ее спиной бухали шаги оккультиков. Сэндис схватилась за перила.

Решение пришло мгновенно: Сэндис перелезла через парапет. Порыв ветра освежил ее влажный от испарины лоб. Зубы дробно застучали от страха. С высоты шести этажей она поглядела вниз, на распростершийся у ее ног город. В глаза ей ударил лучик солнца.

Оккультики замерли.

Бритоголовый Равис выступил вперед. Насмешливо посмотрев на Сэндис, а заодно и на свою куртку, он вскинул руки, словно сдаваясь.

– Сэндис Гвенвиг! Не валяй дурака. Давай-ка возвращайся домой.

Не удостоив его даже взглядом, Сэндис разжала руки и полетела вниз.

С такой высоты она никогда еще не падала. Какое странное чувство. Желудок подбросило вверх. Время убыстрилось и в то же время остановилось. Рванувшийся ей навстречу город превратился в размытое серое пятно. Она не видела ни людей, ни зданий; она не различала звуков. Она просто парила в воздухе, и неистовый бой сердца разрывал ее барабанные перепонки.

Золотой амаринт оцарапал ладонь. Его не беспокоило ни падение, ни ревущий ветер. Сэндис закрутила его вокруг оси.

И рухнула наземь.

И не ощутила никакой боли. Она прыгнула с часовой башни, ударилась о булыжную мостовую – и ничего! Все *как с гуся вода!* Ни разбитого вдребезги черепа. Ни переломанных костей. Ни изодранной в лоскуты кожи. Твердая, как гранит, земля приняла ее в свои объятия, словно она превратилась в летающего жучка, а земля – в ласково подставленную ладонь. Петли-лопасти амаринта – те, которые она не сжимала пальцами, – продолжали крутиться.

Она задумчиво оглядела их. Одна минута. И эту минуту амаринт еще не исчерпал.

Итак, она *жива*.

Сэндис подняла голову и поймала на себе взгляды дюжины глаз. Люди пялились на нее, раскрыв от изумления рты, прижав руки к губам или скрестив их на груди. Сэндис поспешно спрятала амаринт в карман. Кинула взгляд на оккультистов, таращившихся на нее с площадки под циферблатом часовой башни, что уходила ввысь на шесть этажей.

Глубоко и с наслаждением вздохнула.

«Благодарю тебя».

Вскочила на ноги и припустила прочь.

Через сорок секунд амаринт застыл неподвижно.

6

Рон, не забываясь, что так, глядишь, полысеет раньше времени, рвал на себе волосы.

Он ее обыскался. Искал здесь и там. Даже проследил за головорезами из таверны. Но все без толку. Куда она запропастилась? Куда запропастился его *амаринт*?

«Твердыня Господня, а если она его продала?» Тогда ему ничего другого не останется, как только рвать на себе волосы...

А бездушный город продолжал жить собственной жизнью, словно ничего не случилось. Словно Рон не утратил свое самое бесценное, а заодно с ним и работу.

Заныло плечо. «*Получай!* – будто издевалось оно. – *Мало тебе печали, так теперь и я стану досаждать*».

Скривившись, Рон начал разминать свернувшиеся в тугой узел мышцы. Путь его лежал в контору домовладельца. Даже если его средства к существованию *на время* утеряны, арендную плату за две квартиры – его и матери – никто не отменял. Хорошо еще, что карманы полны денег и на платежи более чем хватит. А вот чтобы им с матерью перебраться за границу – нет.

Ну, выше голову, он что-нибудь придумает. Обязательно придумает, так или иначе.

Опустив руку, он покрутил шеей и вздрогнул, когда плечо отдалось болью. А вот и контора. Он вытащил на ходу кошелек и, пересчитывая банкноты, направился к кассовому окошку.

– Привет, Рон, – поздоровался видневшийся в окошке старичок и вдруг так резко дернул подбородком, что его голова чуть не отделилась от шеи. – Погоди! А что ты тут делаешь?

Рон изумленно похлопал глазами и сдул упавшую на лоб прядь волос.

– На календарь посмотри, Тус.

– Да знаю я, что уже конец месяца. Но ты уверен, что тебе нужна пустая квартира? Я со своих жильцов три шкуры драть не намерен.

Рон замер с пачкой денег в одной руке и зажатой между пальцами купюрой в другой. Кровь отхлынула от лица, затем от шеи.

– Тус... Что ты хочешь сказать, почему *пустая* квартира?

Он ведь навещал маму два дня назад!

– Ты что, ничего не знаешь? – спал с лица Тус.

– Сейчас и узнаю. Говори.

– Я-то думал, ты в курсе, – нахмурился старичок. – Так на нее не похоже, просто в голове не укладывается. Пару дней назад ее посадили в карету и увезли в «Герех».

Глаза Рона полезли на лоб. Купюры шлепнулись на пол. Он выбросил вперед руки и схватил Туса за грудки. Перегнулся через подоконник.

– Что ты мелешь, черт тебя подери! Какой «Герех»? Кто тебе это сказал? За что?

«Герех». Он же – тюрьма города Дрезберга. Он же – самое известное в стране узилище, где заключенные томились, как сельди в бочке. Слишком много преступников. Слишком мало камер. Единицы покидали застенки на своих двоих. Большинство же выносили из «Гереха» вперед ногами.

– Ее... Ее об-обвинили в краже, – задыхаясь, просипел Тус, и Рон разжал пальцы. Домовладелец закашлялся и оттянул от шеи воротничок. – Говорят, она похитила носконскую тиару у самого Ренада.

– *Что?* – окаменел Рон.

Тус зачастил, словно не слыша его вопроса.

– Ума не приложу, как ей это удалось. Я слышал, дом великолепно охраняется. Но Эрнст не из тех, кто прощает, и... Ну, сам понимаешь, как у них заведено, у этих нуворишей. Они миллион потратят, лишь бы засадить бедняка, позарившегося на их пенни...

– На носконскую тиару, – прошептал Рон.

– Ну а я про что? Сушая глупость. Неужели она не соображала, что, как только захочет ее продать, ее тут же отследят и схватят?

Они обвинили в краже его *маму*. Арестовали ее, как только он ушел (если Тус не напутал со временем).

Черт побери этого Целестиала, да провались он в преисподнюю! Его, Рона, обвели вокруг пальца. Но зачем? И почему они взяли под стражу его маму? Да эта кроткая женщина за всю свою жизнь и *мухи* не обидела! Никто не знал, что он – ее сын. Он так тщательно заметал все следы.

– Квартиру попридержи. – Рон хлопнул пачкой купюр о подоконник. – Я еще вернусь.

Рон разыщет ублюдка, который его нанял, и ублюдок пожалеет, что родился на свет. Неважно, что он лишился амаринта. Ярость клокотала в душе Рона, толкала его в бой. Если бы не она, совесть сожрала бы его целиком.

###

Маральд Хельг. Так звали человека, нанявшего его выкрасть тиару. Имя наверняка вымышленное, но Рон и сам пользовался псевдонимом. Все бывшие работодатели знали его как Энгела Верлада. Все будущие работодатели также будут знать его под этим именем. Свою настоящую, слишком громкую, фамилию – Комф – он тщательно скрывал.

И все-таки этот Хельг прознал. Иначе как бы он добрался до его матери?

Чем больше Рон думал, тем больше понимал, что с этой тиарой с самого начала все было нечисто. Не будь он так слеп, сразу бы насторожился! Во-первых, тиару мог украсть и младенец. Во-вторых, клиент не выказывал особого энтузиазма завладеть артефактом. В-третьих, жилище Хельга – огромная двухэтажная квартира, несомненно говорящая о достатке владельца, – выглядело пустым и заброшенным. Стены пестрели сальными пятнами там, где когда-то висели картины. Мебель почти полностью отсутствовала. Этот Хельг переезжал или распродал имущество? Лучше бы последнее, иначе Рону трудновато будет его найти.

И еще. Хельг сразу же невзлюбил Рона. Этот блеск в его глазах. Этот его тон. Обычно клиенты смотрели не так. Глаза же Хельга горели ненавистью, словно одна только нужда заставляла его нанять Рона.

Рон до боли стиснул челюсть, заскрежетал зубами. Он все исправит. Так или иначе, он все исправит. Его мама сильная женщина. Ей все по плечу, даже...

«Герех». Желудок Рона мучительно сжался, и вовсе не оттого, что Рон только что перепрыгнул двухметровую брешь между крышами. Рон был уверен: предложи он себя в обмен на мать, «Герех» не согласится. Чувство вины свинцовым шаром опустилось ему в живот и впилося в сердце острыми клыками.

Дома поредели, и Рон спрыгнул на землю. Прокатился в телеге, чей добряк-возница согласился его подвезти. Сейчас он зайдет в квартиру и, если она окажется пустой, отправится на розыски Хельга. Всем известно, что Энгел Верлад вершит настоящие чудеса. Творит невозможное. Ну, или почти невозможное. А когда Маральд Хельг окажется у него в руках, Рон свесит его через парапет часовой башни и будет держать в воздухе до тех пор, пока тот не взмолится о пощаде и не возьмет на себя вину за кражу.

Хотя поможет ли это освободить его мать – бабушка надвое сказала.

И тут, как назло, зарядил дождь.

Выругавшись, Рон соскочил с телеги, бросился через улицу и, как и другие прохожие, юркнул под ближайший карниз. Пока одни люди жались под навесами, чтобы спрятаться от ливня, другие, более сметливые, раскрыли зонтики или прикрыли головы газетами. «И в том, и в другом случае они все равно промокнули, – подумал Рон. – Через десять минут или чуть

раньше». Дождевые капли, проходя сквозь укутавшие город слои дыма, пепла и грязи, падали на землю болотистой жижей. Одна надежда – вскоре этот дождь обратится неистовым ливнем и на день-два очистит этот город от пыли. В противном случае Дрезберг еще больше утонет в скверне и нечистотах.

Рон застонал и прислонился затылком к стене небольшой прачечной, где стирали одежду тех, кто мог себе позволить оплатить труд наемных работниц. Рон и сам прибегал к их услугам пару-тройку раз, когда работы было невпроворот и он крутился как белка в колесе. Мама всякий раз фыркала, что он «пускает деньги на ветер»: *«Если уж ты так занят, я сама тебе все постираю. Мне не сложно»*.

Свинцовый шар принялся глотать его внутренности. Рон чертыхнулся.

Скучившиеся вокруг Рона люди трещали без умолку. Некоторые, подняв повыше воротник, ринулись в гущу стихии, говоря, что дождь, вероятно, продлится долго, а они опаздывают на смену, и сетуя, что по дороге загваздают юбки. «Мне бы ваши проблемы», – вздохнул Рон и посмотрел поверх голов на серые капли, с ревом обрушивавшиеся на серые же булыжные мостовые. Рядом, под навесом передвижной рыбной палатки, тоже сгрудилась небольшая толпа. Рон даже пожалел их: от дождя они, может, и спрячутся, но насквозь провоняют рыбой и весь день буду таскать за собой этот невыносимый запах. Из-за угла вынырнул ушлый торговец и стал предлагать жестяные листы и картонки – широкие и плоские, вполне подходящие, чтобы укрыться от низвергающейся с неба мути. Несколько человек бросились к нему, чтобы приобрести ходкий товар.

Рон pokrutil головой, задержался взглядом на кучке мающихся под карнизом людей. Протер глаза. Прищурился.

«Твердыня Господня! Да это же она! Она, собственной персоной!» Сэндис. Ворюга, умыкнувшая его амаринт, пока он спасал ее голову.

Он пробрался к краю тротуара, чтобы лучше разглядеть девушку, и его уютное местечко возле стены мгновенно заняли те, кто стоял рядом. «Это она. Никаких сомнений. Та же одежда, только заляпанная грязью. Тот же капюшон, но натянутый на лоб. Тот же рыскающий взгляд, постоянно что-то высматривающий. И взмах головы, раз за разом позволяющий в деталях рассмотреть ее лицо».

Забыв про небесные хляби, Рон ринулся к ней.

Сэндис повернулась и заметила его. Глаза ее расширились, и она, шлепая раскисшими от влаги туфлями, сиганула на улицу и бросилась бежать по вздувшимся пузырями лужам.

Однако на этот раз Рон был быстрее. Он нагонял ее. Медленно, но неотвратимо.

Пулей пронесаясь мимо магазина, она выскочила на дорогу, плотно застроенную жилыми домами. Резко свернула в один проулок, в другой, пытаясь выиграть секунды, которые Рон тотчас же отыгрывал назад. Скрючившиеся под карнизами люди провожали их удивленными взглядами. Бурая капля угодила Рону прямо в глаз. Не прекращая бег, он смахнул ее, вытянул руку и...

Сцапал беглянку повыше локтя. Она рванулась, как умалишенная, и они оба, одной кучей-малой, повалились в лужу. Грязь забила им рты, залепила глаза и уши. Сэндис захрипела, вывернулась, изготовилась двинуть его ногой, но он успел схватить ее за лодыжку.

И тогда она заехала ему кулаком. Он бы и бровью не повел, не попади она костяшками прямо в глаз.

– Ч-черт! – зарычал Рон и разжал пальцы.

Она стремглав вскочила и пустилась наутек, но не успела сделать и пары шагов, как он снова настиг ее.

– Пусти! – забилась она в его руках, словно дикая птица.

– Отдай то, что взяла, и, может, тогда отпущу, – рявкнул Рон и протянул руку к ее карману.

Сэндис отпрыгнула. Разумеется, он не собирался ее бить, чтобы забрать амаринт, но, похоже, это действительно *был* не его день.

– Эй, ты! – заорал какой-то парень, ссутулившийся под козырьком крыши. – Она же сказала «нет», значит – нет. А ну отпусти ее!

– Это не то, что ты подумал! – закричал Рон, еще крепче вцепившись в Сэндис. – Она украла у меня кое-что.

Парень и его приятель угрожающе двинулись на Рона.

Рон поднял руки, демонстрируя мирные намерения, и Сэндис помчалась вскачь.

Рон бросился в соседний переулок, обогнул дом и выскочил ей наперерез. Обхватил ее за плечи, запустил руку ей в карман.

– Прошу, уходи, – всхлипнула она, вырываясь. – Тебя не должны со мной видеть!

– Верни его! – рычал Рон, роясь в другом кармане.

Сэндис дернула локтем, метя ему в лицо, но он легко уклонился от удара.

– Верну! Обязательно верну! Чуть позже... – голос ее сорвался на хрип. – Прошу тебя, уходи!

Из-за угла вывернул конный экипаж, и лошадь, раздувая ноздри, галопом помчалась на них. Рон отшатнулся и резко выдернул Сэндис с дороги. Еще чуть-чуть, и от них осталось бы мокрое место.

Едва лошадь пронеслась мимо, Сэндис неожиданно толкнула его в грудь и устремилась туда, откуда приехала карета.

Рон рванул за ней, как вдруг она резко обернулась, сбросила капюшон и решительно тряхнула головой, взметнув каскад бурых брызг, скатившихся с волос.

– *Прошу*, – взмолилась она. – Ты не понимаешь. Он нужен мне больше, чем тебе.

Она затравленно оглянулась, посмотрела на дорогу.

– Очень в этом сомневаюсь.

Он стиснул ее запястье. С него хватит.

– Тебя не должны со мной видеть!

Он развернул ее спиной, прижал к груди. Она попыталась отдавить ему ногу, но он вовремя выдернул ботинок из-под ее пятки. Обыскал карманы куртки, запустил руку за пазуху. Вот они, знакомые очертания. «*Наконец-то*». Он вытащил золотой оберег.

У его виска щелкнул курок пистолета.

Рон и Сэндис заиндевели. Он отпустил ее. Она шагнула вперед и замерла, когда из-за угла приземистого здания вышел второй бандит, поигрывающий невообразимо чудным пистолетом. Рон узнал в нем головореза из таверны.

Дуло пистолета, скользнув по виску, ткнулось ему в затылок.

Ну, как он только что и сказал, амаринт пригодится *ему* самому. Причем прямо сейчас.

– Это ты привел за собой хвост, – прошептала Сэндис, нагнав на Рона невообразимого страха. – Только не говори мне, что у тебя нет оружия.

Оружия у него не было (при его работе с пистолетом слишком много возни – очень уж он громоздкий и громкий), но он не стал ей ничего объяснять.

– А, это снова ты, – процедил второй ублюдок. Оценивающе поглядел на Рона и перевел взгляд на Сэндис.

«Что им от нее надо? Что в ней такого особенного?»

– Как тебя зовут? – спросил первый.

– О, мое имя широко известно в узких кругах, – отшутился Рон, пытаясь определить по голосу, где именно позади него стоял бандит. – Меня зовут Отва Ли.

Бандиты даже не улыбнулись. Глаза Сэндис распахнулись, как у щенка, выпрашивающего подачку. Ее пробрала дрожь. Она перепугалась до смерти.

Второй ублюдок навел пистолет на Сэндис.

– Если ты меня продырявишь, – зашипела она, – Кайзен тебя по головке не погладит.
«Святой Целестиал, а это еще кто?»

Закрутив амаринт вокруг своей оси и убедившись, что тот полон волшебной силы, Рон облегченно вздохнул и зашвырнул оберег в канаву.

Пригнулся, с силой отвел локоть за спину, заехав первому громиле под ребро. Тот нажал на курок, и пуля, царапнув больное плечо Рона, едва не задела Сэндис. Второй налетчик взял его на мушку. Рон бросился на него и, схватившись за дуло пистолета, оттолкнул. Дуло ткнулось ему в шею. Раздался выстрел.

Боли он не почувствовал – лишь легкое першение в горле, словно он проглотил слишком большой кусок мяса, и тот застрял в гортани.

Пуля, прошив его шею насквозь, вцепилась в лицо первого бандита, стоявшего как раз позади.

Сэндис завизжала.

Отпихнув пистолет, Рон обрушил кулак на голову второго налетчика.

Сэндис завертелась на месте под проливным дождем.

– Они идут, – просипела она.

Вогнав колено в пах противника, Рон уложил его на землю.

– Кто?

Сэндис заколебалась, не зная, стоит ли ему говорить. Их взгляды скрестились. Она моргнула, уронив с ресниц дождевые капли.

– Оккультики.

– *Кто?! – Рону померещилось, что на его плечи обрушилась гора.*

«Оккультики? Эти подонки, *оккультики?*»

Он скверно выругался.

Сэндис подобрала крутящийся амаринт и сжала в ладони. Рон схватил ее за руку. Да будь оно все проклято!

Это точно не его день!

Он потащил ее через улицу, но Сэндис дотронулась свободной рукой до *его* запястья и махнула в противоположную сторону.

– Туда!

Некогда болтать. Словно буксир, он потянул ее за собой, хотя она и так старательно принаравливалась к его шагу, пытаясь не отставать. Вырвать бы амаринт из ее рук да бросить ее на произвол судьбы. Но этот ужас в ее глазах...

И эти треклятые *оккультики*. Хоть режь его, а не может он никого, даже вора, оставить на растерзание этим жутким тварям, этим мракопоклонникам.

Он поискал глазами канализационный люк. Люка не было, но впереди, между домами, ветвились и извивались переулки. Изменив направление так же внезапно, как до того сделала Сэндис, он нырнул в лабиринт узких проулков. Еще немного, и они доберутся до его дома.

Они перебежали дорогу, свернули к фабрике...

Сэндис потянула его за рукав, призывая остановиться, и вдруг согнулась пополам, как от удара в живот.

– Они... ушли, – прохрипела она.

– Да тебе-то откуда знать, черт тебя задери?

Взъерошенная и встрепанная, она сурово посмотрела ему в глаза. Страх покинул ее. Теперь ее переполнял гнев.

Она ничего ему не ответила.

Твердыня Господня, да она похожа на жалкую промокшую собачонку. Он мельком взглянул на ее руку, доселе сжимавшую амаринт. На открытой ладони амаринта не было. Где он? Спрятан под курткой или обронен в бегстве?

Сердце его сжалось.

– Он... у меня... – задыхаясь, произнесла Сэндис.

Рон скрипнул зубами. Глухо проворчал:

– Идем.

И потащил ее за собой по дороге. Шел он уверенно и не особо торопясь, но Сэндис, ежесекундно спотыкаясь, поспевала за ним с трудом.

«Ничего не попишешь, – размышлял Рон, – придется вести ее к себе домой». Впервые в жизни возможность провести ночь вместе с девчонкой ничуть его не радовала.

7

Нумен. Она ощутила присутствие нумена, хотя и не поняла, какого именно. Может быть, Курасиена, Духа шестого уровня, которому был посвящен Рист, брат Хита. А может быть, Изепии, в которую перевоплощались Элис и Кайли. Изепия больше других Духов походила на человека. Вряд ли Кайзен призвал именно ее: ему подавай нечто из ряда вон выходящее. То, что Кайзен явился за ней сам да еще и среди бела дня, показывало, насколько он взбешен. И хотя Сэндис рвалась увидеть друзей-вассалов, она прекрасно понимала, чем обернется их встреча. Пыткой для них и мучкой для нее. Нет, это невыносимо.

«Рист знает, что его брат погиб? Скорбит ли он? Дозволил ли Кайзен ему скорбеть?»

Сэндис тряхнула головой, гоня от себя эти мысли. Не важно. Главное, она почувствовала, как к ним приближался нумен; главное, Ирет с ней и полыхает в ее душе яростным огнем. Как ни странно, обжигающее дыхание огненного коня успокаивало и подбадривало Сэндис. Эх, если бы только он мог вырваться из недостижимой для нее эфирной вселенной...

Но Рону об этом ни слова.

Пока Рон усаживался на пол напротив, она оглядела квартирку – небольшую, скромную, заставленную прочными, крепкими стульями и столами. Из распахнутой двери виднелась вторая комната и крошечный коридор, ведущий, по всей видимости, в туалетную комнату. Это *его* коридор и его туалетная комната. *Его* квартира.

Она свалилась на него, как снег на голову. Она его обворовала! А он... он протянул ей руку помощи, вырвал из горнила опасности и предоставил крышу над головой. Временное, а спасение.

– Ты хоть разденься, – застонал Рон. – Ты же насквозь промокла.

Сэндис лишь поплотнее закуталась во влажную куртку и вздрогнула: стигма на ее спине прожгла ее кожу насквозь.

Уступив ей свою внушительных размеров кровать, Рон устроился на полу, небрежно скрестил ноги и облокотился на руки.

– Поверить не могу, что сказал «Отва Ли» самому оккультисту.

Он провел ладонью по лицу и от души выругался.

– Прости. – Сэндис втянула голову в плечи. Шею закололи иголки засохшей дождевой грязи, но она не осмелилась почесаться.

Внезапно ее осенило: *Кайзен* лично отправился на ее поиски... А в тот самый день, когда она убежала, он взял у нее кровь... Сколько времени ее кровь продержится в его организме? Она лихорадочно принялась загибать пальцы. Три дня. С тех пор прошло три дня... Обычно Кайзен забирал у нее кровь раз в одну-две недели – в зависимости от того, как часто он вызывал дух Ирета. Но неужели ее кровь так быстро выводилась из его организма? Или он просто подстраховывался, боясь, что Ирет вырвется из-под его власти? Если Кайзен отыщет ее прежде, чем последняя капля этой крови покинет его вены...

– Эй, о чем задумалась?

Сэндис вскинула голову. Должно быть, выражение ее лица озадачило Рона, так как он в притворном ужасе замахал руками, словно прося пощады.

– Да я просто спросил! Ты вдруг запыхтела, как паровоз.

– Так... ни о чем, – проговорила Сэндис, стараясь дышать как можно ровнее.

– Ты ведь из оккультистов, верно? – нахмурился Рон.

Скрытая курткой стигма опалила ее спину огнем. Уж лучше пусть он считает ее служкой в ведовских обрядах, чем их непосредственной участницей.

Склонив голову набок, Рон уставился в потолок, довольно долго смотрел на него, а затем прикрыл глаза. Грудь его то вздымалась, то опадала. Лоб прорезали морщины, плечи поникли.

Нет, он не злился, он... Он досадовал и не находил себе места. А может, просто смертельно устал. С его губ сорвалось слово «Годобия» – название страны, расположенной на юге от Колинграда.

– Ну и в какую же заваруху ты попала? – наконец спросил он, прервав затянувшееся молчание.

«Да оккультика эти заварухи подстерегают на каждом шагу, – подумала Сэндис. – Он может задолжать кому-нибудь. Или убить ценного сослуживца. Или разболтать ведовские секреты. Да мало ли что!»

Но соврать Рону у нее не повернулся язык, и она промолчала.

Рон застонал, вскочил на ноги, схватился за волосы, и его пальцы мгновенно покрылись мерзкой слипшейся от дождя дрянью. Болезненно скривившись, Рон протопал к двери.

– Подожди!

Он оглянулся. Внимательно посмотрел на нее. Сэндис замялась.

– Не выходи. Теперь ты у них под прицелом.

– Да они даже не знают, кто я такой, – беспшашно тряхнул он головой.

– Еще как знают. Ну, или скоро узнают.

Сэндис уперлась взглядом в дубовый пол. Паркет был старый, весь в пятнах. Носком туфли она принялась елозить в щели между половицами.

– Им не составит труда найти нужную информацию. Если они разнюхают, что ты мне помогаешь, они не остановятся ни перед чем, чтобы тебя уничтожить. Как и меня. Они неуловимы, как тени. Невидимы, как призраки.

– Призраки! – издевательски расхохотался он. – Так ты, значит, видишь призраков? Знаешь, когда они «приходят» и «уходят»?

– Я тебе жизнь спасла! – вспыхнула Сэндис, сузив глаза.

– Этого бы не потребовалось, если б ты не стащила мой амаринт. *Кстати, об амаринте...* Вытянув руку ладонью вверх, Рон шагнул к ней.

Сэндис отшатнулась, уперлась плечами в спинку кровати.

– Не вынуждай меня, – произнес Рон. – Мне бы не хотелось причинять тебе боль.

– В ближайшие двадцать три часа он бесполезен, – пискнула она.

Рон снова схватился за голову и сморщился, поглядев на измазанные дождевой слезью пальцы.

– Ты просто *режешь меня без ножа*, – горько застонал он. – Не важно. Он мне нужен. Он – мой. В общем, – Рон тяжело вздохнул, – у меня нет времени играть с тобой в кошки-мышки. Мне надо найти одного человека. И чем раньше, тем лучше...

– Ты кого-то ищешь? – изумилась Сэндис.

– Ну да, – нахмурился Рон. – А теперь мне придется следить за каждым своим шагом, потому что твоя оголтелая шайка-лейка, вероятнее всего, повсюду тут рыщет.

Он подошел к двери, саданул по ней кулаком и раздраженно затряс в воздухе рукой.

– Прости, пожалуйста, – пробормотала Сэндис.

Уничжительно хмыкнув, он покосился на нее, и Сэндис решилась – была не была.

– Я понимаю, у тебя нет причин доверять мне, но прошу, выслушай.

Рон молча кивнул.

Сэндис спрыгнула на пол. Продолжать разговор сидя ей показалось неуместным. Влажная одежда впиалась в кожу песком и дождевым месивом.

– Мне нужна помощь.

– Я не связываюсь с оккультиками. – Рон скрестил на груди руки.

– Я не оккультик...

– Я как-то уже имел с ними дело, – перебил ее Рон, – и проклял все на свете. Больше я с ними знаться не желаю. Не обижайся, но эти упыри с живого шкуру сдерут, стоит лишь косо на них посмотреть.

– Знаю, – односложно и тускло произнесла Сэндис.

Рон насупился.

– Я тоже ищу одного человека, – глубоко вздохнув, призналась она. – Моего родственника. Талбура Гвенвига.

Она жадно вглядывалась в его лицо, надеясь увидеть на нем волнение от узнавания произнесенного ею имени, но лицо Рона хранило мрачную безучастность. Сэндис сникла. А как бы все упростилось, будь Рон знаком с Талбуром.

– Оккультисты охотятся на меня, потому что я сбежала от них. Я увидела имя этого человека в бухгалтерских книгах и решила, что он, возможно, мой дядя.

– Значит, ты – Сэндис Гвенвиг?

Она кивнула.

– Я... Мне... Других родных у меня нет. Я не сбежала раньше, потому что, хоть оккультисты и омерзительны...

Сэндис с трудом проглотила застрявший в горле комочек. Воспоминания – не того, что она делала, но чему была свидетельницей, – промелькнули у нее в голове.

– ...они кормили и одевали меня. Там... там у меня были друзья... Я убеждала себя, что лучше уж такая жизнь, чем голодная смерть на улице. А тут я подумала, что, если отыщу Талбура Гвенвига... Он наверняка мой дядя, я более чем уверена: «Гвенвиг» – довольно редкая фамилия. В общем, я подумала, что, если найду его, может быть, он позаботится обо мне, поможет. Спрячет меня. Откупится от Кайзена...

«А может, – внезапно пришло ей в голову, – я просто наведу на его след оккультистов. Если они его еще не нашли».

– Так ты невольница! – Рон беспомощно уронил руки вдоль тела.

– Меня не спрашивали, хотела ли я ею стать.

– Ч-черт! – Рон отвернулся, схватился обеими руками за шею, снова повернулся к ней.

– Прости, – вскрикнула она. – Я верну его. Вот, держи.

Выудив амаринт из-за пояса, она протянула его Рону.

– Я не *собиралась* отнимать его у тебя. Я надеялась, он поможет мне. И он помог. Спасибо, что не отыскал меня раньше.

– И как же он тебе помог? – Рон недоверчиво поглядел на амаринт.

– Я спрыгнула с часовой башни.

Рон покачнулся от изумления.

– Прошу, заberi его. – Сэндис настойчиво совала ему артефакт. – И помоги мне разыскать Талбура Гвенвига.

Рон подскочил к ней, смахнул амаринт с ее ладони, и лицо его мгновенно разгладилось и повеселело. Однако он упрямо тряхнул головой.

– Я не связываюсь с оккультистами.

– Но я не оккультист.

– Ты слишком близка к ним.

Надежда покинула ее. Сэндис опустилась на стул, стоявший позади, и уставилась в пол. Смахнула набежавшие слезы и почувствовала, как запылали огнем кончики пальцев.

«У тебя все получится». Это сказала она, не Ирет, но как же легко было вообразить, что ее подбадривал именно нумен.

Рон направился в другую комнату.

– Кайзен – предводитель оккультистов, – монотонно произнесла она. Насколько ей было известно, группировка Кайзена была самой многочисленной в городе. – Я удрала, потому что он начал... начал свои эксперименты. Он истязает людей.

Имя «Колосос» молнией сверкнуло у нее в мозгу, оледенило кровь, погасило теплый огонь Ирета. Как там остальные вассалы? Может, Кайзен освободил Дара, снял с него посвящение Духу и теперь собирается экспериментировать на нем?

– Полагаю, у него обширные планы. Планы, которые угрожают всем нам. Но я о них ничего не знаю. Кайзен убил одного из моих друзей.

Хит. Испуганный до умопомрачения...

– Его не вернешь, а вот Талбур Гвенвиг где-то здесь, рядом. И он... он... Это навсегда...

– Что навсегда? – напрягся Рон.

– Семья. Семья – это навсегда. – Сэндис посмотрела ему прямо в глаза. – Так говорили мои родители.

Такой ужасающей площадной брани, которой разразился Рон, Сэндис не слышала давно.

– Чудесно, – негодуяще рокотал он, насупливая брови и нервно поглаживая скулу, – *чудесно*. Твердыня Господня, вот только не надо мне на жалость давить, хорошо?

Сэндис нахмурилась. Рон бешено тер лицо обеими руками.

– Ладно. Подсоблю тебе отыскать того парня. Но *только* если ты отзовешь своих оккультистов, и *только* после того, как я улажу свои дела. Усекла?

Уверенная, что ей ни за что на свете не выполнить первое условие, Сэндис тем не менее утвердительно кивнула. Глаза ее заблестели от слез.

– Спасибо тебе...

– Там, – мотнул головой Рон, – таз для умывания и шланг. Вода холодная, но это все равно лучше, чем ничего. Иди помойся.

Он на минуту исчез из комнаты, а когда вернулся, швырнул ей серую, застегивавшуюся на пуговицы рубашу.

– Ступай уже.

Сэндис погладила чистую хлопковую ткань и восторженно вспорхнула со стула.

– Спасибо тебе! Спасибо! Спасибо!

Рон повернулся к ней спиной и махнул рукой в сторону коридора. Сэндис послушно засемила прочь и вдруг застыла посреди комнаты.

– Его ведь нельзя остановить, если он начал крутиться, да?

– Заметила? – протянул Рон, вертя в руках амаринт.

– А зачем ты оставляешь его под столом? Не проще ли держать его в кармане во время драки?

– Куда уж проще махать кулаками с волшебным золотым артефактом, который так и рвется из *твоего* кармана, – закатил глаза Рон. – Да он только мешается и нездоровое любопытство во всех возбуждает.

Он буркнул еще что-то – себе под нос.

– Чего? – переспросила Сэндис.

– А еще забивается пылью, – сердито рыкнул Рон и повелительно указал ей на ванную. –

Прах и пепел, женщина, *ступай* уже!

Улыбнувшись, Сэндис вприпрыжку умчалась приводить себя в порядок.

Холодная вода никогда еще не казалась ей такой приятной.

###

Свет был тусклым – и в то же время ослепляющим. Он струился словно пылающий ручей. Красновато-оранжевый, трепещущий, его с хрустом раскалывали напополам черные языки пламени. Огонь, куда ни глянь – огонь. Огненный обруч, сжимающий голову.

Она крепко зажмурилась, но свет жег ей веки. Он везде, он всюду. «*Огонь*, – прошептал трепещущий воздух. – *Нужна*».

«*Ирет?*»

Земля исторгла из своих недр заунывный, продирающий до костей рев – раскатистый и глубокий. Сэндис оглянулась посмотреть, что это, но взор ее заволокла огненная пелена и черные языки потрескивавшего пламени. Она сжала ладонями виски. Огненный обруч немилосердно резал ей лоб.

Страх. Ирет изнывал от *страха*.

Подул неуловимый ветер, и языки черного пламени мгновенно сместились. Взвившись дымной, пепельной завесой-стеной, они разошлись и образовали заостренный по краям овал, который двинулся прямо к ней.

Нет, не овал. «*Глаз!*»

###

Вздвогнув, Сэндис очнулась, отерла взмокший от пота лоб и устала на свои колени. Когда она умудрилась сесть? В комнате царил тьма, но перед глазами вспыхивали огненные блики, словно она слишком долго глядела на масляную лампу. Дыхание ее прерывалось, голова болела, пульс бился нервно и быстро. Слова «*огонь*» и «*нужна*» проносились в воспаленном мозгу.

Шаги! Она приготовилась бежать, но, ткнувшись локтем в тонкую подушку на кровати, немного успокоилась. Разглядывая подушку, она припомнила все события предыдущего дня.

Кровать. Квартира Рона. Вот где она – и здесь безопасно. Хотя бы пока.

Она прошептала имя Ирета.

Шаги замерли.

– Сэндис?

Поморгала, отгоняя огненные блики и силясь припомнить сон. «*Что? Что это было?*»

Как ни убеждала себя Сэндис, что, возможно, подсознание сыграло с ней злую шутку, в глубине души она знала, что это не так: на языке так и вертелось имя, которое она не осмеливалась произнести.

«*Колосос*».

Неужели Ирет пытался показать ей Колососа?

Неужели *то*, что полыхало перед ней, взирая испепеляющим взглядом, и было чудищем, разорвавшим Хита в клочья?

Она задрожала.

– Сэндис?

«Ах, да это же Рон!» – встряхнулась Сэндис. Рон высился в двух шагах от нее, всклокоченный и расхристанный, в расстегнутой ночной рубашке.

– П-прости, – клацая зубами, проговорила она. – Кошмар привиделся.

– Я уж было подумал... – вздохнул Рон и, не утруждая себя объяснениями, что же он, собственно, подумал, развернулся и ушел в другую комнату.

Послышался «хлоп» шлепнувшегося на узкую койку тела, и все затихло.

Сэндис бесшумно поднялась, прокралась на кухню, нашарила чашку и налила воды. Медленно выпила. Огненный круг, тисками сжимавший ее голову, ослаб, боль утихла, но красные, оранжевые, черные языки пламени продолжали дрожать перед глазами.

«Колосос».

Ничего удивительного, что Хит лишился рассудка. Больше всего Сэндис испугали не сами видения геенны огненной, показанные ей Иретом, а мысли о Кайзене, который вознамерился не просто выпустить из этого ада настоящего монстра, но подчинить его *своей* воле.

###

– Уходишь? – с едва уловимым волнением спросила Сэндис.

Рон покосился на нее через плечо. Сэндис, словно желая занять как можно меньше места, сжалась в комочек и забилась в угол кровати. Она почистила штаны и нацепила его рубашку. Что ж, можно понять – ее рубаша выглядела более чем странно. Материал тяжелый, но добротный, а вот покрой – это уже ни в какие ворота. Подобных фасонов он никогда в Дрезберге не видел. «И кто это придумал – такой глубокий вырез на спине? Конфуз да и только».

Хотя, надень она эту рубашку снова, он бы ни слова поперек не сказал.

– Я же тебе объяснил, мне надо кое-кого отыскать.

– Но еще не рассвело. – Она уставилась в темноту единственного окна.

– Да я тут все стежки-дорожки знаю.

– Но за тобой могут увязаться оккультисты, – тихо проговорила она.

– Не-а, туда, куда мы направляемся, им вход заказан, – ухмыльнулся он.

– Мы?

– Ну, я так понимаю, тебе не больно-то хочется штаны здесь протирать и баклуши бить. К тому же за тобой глаз да глаз нужен: а ну как ты снова что-нибудь стянешь, оставь я тебя тут одну.

Она внимательно посмотрела на него, затем резко, не проронив ни слова, поднялась – никакой лишней болтовни, никакого давления на жалость.

Старательно гоня от себя мысли, во что же он ввязывается, Рон распахнул дверь, и они, не зажигая в квартире света, тихонечко выбрались на площадку второго этажа. Сам дом был трехэтажным. По пути к лестнице Рон разминал больное плечо. Заря еще не занялась, но уже подсветила нежным голубым светом края облаков. В такой час, знал по опыту Рон, большинство людей досматривали по домам последние сны.

Сэндис молча, не ноя и не жалуясь, упорно лезла за ним: сначала на лестницу, затем на крышу. Взобравшись на самую верхотуру, Рон посмотрел вниз. Кое-где виднелись фигурки случайных прохожих, но в общем-то улицы были почти пусты. Однако не пройдет и часа, как на них хлынет толпа спешащих к первой смене рабочих. Прищурившись, Рон вгляделся в смутные движущиеся тени. Не оккультисты ли это, разнюхавшие, где они прячутся? Не приведи Бог иметь дело с оккультистами. Бандиты и то лучше – они хотя бы играют по-честному и понимают язык силы. А вот на оккультистов язык силы не действует. Уж ему ли не знать. Два года назад он лишился половины гонорара: подрядился кое-что им доставить, а его облапошил прощелыга-оккультист с повязкой на глазу и двумя золотыми зубами. Уж Рон и угрожал ему, и страшил его – как об стену горох. В конце концов Рон сам еле унес ноги, напуганный до полусмерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.